
ПОБЕДИТЬ АУТИЗМ

МЕТОД СЕМЬИ
Кауфман

Составитель
Н.Л. Холмогорова

Центр
лечебной
педагогики
Москва 2005

Данное издание осуществлено в рамках программы SCOUT, финансируемой Отделом образовательных и культурных программ Государственного Департамента США и при поддержке Дიაконической службы Евангелической церкви Германии.

Support for this publication was provided by the SCOUT (Support for Community Outreach and University Teaching) Program, funded by the Bureau of Educational and Cultural Affairs of the United States Department of State (ECA), under authority of the Fulbright-Hays Act of 1961 as amended, and administered by the Open Society Institute (OSI), which also provided funding to SCOUT. The opinions expressed herein are the organizer's / author's own and do not necessarily express the views of either ECA or OSI.

От составителя

Программа *Son-Rise*, предназначенная для помощи детям, страдающим аутизмом, создана более тридцати лет назад супругами Барри и Самарией Кауфманами.

Барри и Самария, профессиональные психологи, разработавшие систему тренингов «*The Option Process*» для взрослых, желающих изменить свою жизнь, столкнулись с проблемой аутизма на собственном опыте. Их третий ребенок, Рон, родился здоровым и до 10–11 месяцев развивался совершенно нормально; однако с этого времени родители и старшие сестры начали замечать в его поведении странные перемены.

Рон перестал улыбаться родным и поворачивать голову в их сторону: в сущности, он почти прекратил реагировать на их присутствие. Когда отец или мать обнимали его, целовали или брали на руки, он оставался пассивным, или же отталкивал их и вырывался, давая понять, что их прикосновения ему неприятны. Столь же решительно он отказывался смотреть им в лицо.

Он не реагировал на обращенную к нему речь, как и на большинство других звуков, — из-за этого родители вначале заподозрили проблемы со слухом. Однако, не обращая внимания на громкие звуки, Рон порой увлеченно прислушивался к тихим. Такой же странной избирательностью отличалось и его зрение: он даже не моргал, когда взрослые махали руками перед самым его носом, но мог часами рассматривать какую-нибудь микроскопическую трещинку в стене или просто гладкую стену.

В возрасте около года Рон выучил несколько слов; однако фразовая речь так и не развилась, а несколько

месяцев спустя исчезли и эти слова, и даже предшествующий речи лепет. Теперь Рон не издавал никаких звуков, кроме тихого мелодичного мычания. Более того, он совершенно не использовал жесты и мимику для контакта с окружающим миром, не плакал ни от дискомфорта, ни от голода, вообще никак не выражал свои желания. Создавалось впечатление, что он совершенно неспособен контактировать с окружающими людьми, или не чувствует в этом потребности.

Обществу родных Рон предпочитал стереотипные игры с собственным телом или с неодушевленными предметами. Уединившись в каком-нибудь тихом уголке, он мог часами рассматривать собственные пальцы, поднося их к самым глазам, кружиться на месте или вертеть на полу тарелки, чашки, крышки от бутылок и любые другие предметы округлой формы. В последнем умении он достиг удивительного мастерства: его движения отличались точностью и изяществом, каких едва ли можно было ожидать от полуторагодовалого малыша. Наблюдая за ним в такие минуты, родители видели, что он по-настоящему счастлив: глаза его сияли спокойной радостью, весь вид говорил о блаженстве, сходном с тем, которое, как говорят, испытывают восточные подвижники во время медитации.

Рон был счастлив. Но его родители все яснее понимали, что у их сына серьезные проблемы.

Мысль об аутизме первой посетила отца. Просмотрев медицинские справочники и руководства по психиатрии, он убедился: все «странности» его сына буквально совпадают с симптомами аутизма, описанными тремя поколениями психиатров. Однако это чтение поверг-

ло Барри Кауфмана в уныние, ибо все авторитеты, как один, утверждали: аутичные дети «безнадежны», избавиться от аутизма невозможно, самое большее, на что можно надеяться,—некоторое смягчение его симптомов. Ученые указывали, что дети-аутисты, как правило, склонны к агрессии, необузданным вспышкам ярости, разрушительному и саморазрушительному поведению, что они не способны к социализации и чаще всего заканчивают жизнь в специализированных заведениях.

Потрясение и ужас родителей Рона смешивались с недоверием. «Не может быть!»—говорили они себе. Да, по всем признакам Рон аутичен; однако он совершенно не агрессивен и не проявляет никаких признаков эмоционального дисбаланса. Неужели этому чудесному малышу суждено превратиться в чудовище, в агрессивного и опасного сумасшедшего, и оказаться навеки запертым в клинике для душевнобольных? Неужели он не способен к полноценной жизни?

Барри и Самария бросились к специалистам. Врачи осматривали их сына неохотно, говоря, что непрофессионально было бы ставить диагноз в столь раннем возрасте. Однако все они подтверждали, что симптомы Рона очень похожи на аутизм. Вдобавок тесты обнаружили у него резко замедленное интеллектуальное развитие.

Но родителей Рона интересовал не точный диагноз сам по себе—они хотели знать, как помочь сыну. Что же они слышали в ответ? «Обычно аутизм диагностируется в 3–4 года, а методик, рассчитанных на такой ранний возраст, у нас просто нет. Так что приходите года через два. Впрочем, заранее вас предупреждаем, что на особые результаты рассчитывать не стоит: аутизм не лечится».

«Года через два!» А драгоценное время уходило, как вода сквозь пальцы; с каждым днем Рон все сильнее отдалялся от родителей, все глубже погружался в загадочный мир своих странных игр и невыразимых словами размышлений. Снедаемые тревогой, Барри и Самария бросились в американскую Национальную Ассоциацию Аутизма—организацию, объединяющую родителей аутичных детей.

Их встретили с пониманием и сочувствием; однако и здесь Кауфманы не нашли ответов на свои вопросы. Члены Ассоциации также полагали, что аутизм—состояние пожизненное и неизлечимое, и несколько собраний местной организации, которые посетили Барри и Самария, произвели на них тягостное впечатление уныния и безнадёжности.

Но, несмотря ни на что, родители Рона не собирались сдаваться. Помочь сыну невозможно? Значит, они сделают невозможное!

И Кауфманы разработали собственную программу помощи аутичному ребенку.

Для следования этой программе не требуются ни медикаменты, ни громоздкое и дорогостоящее оборудование, ни специальное образование. Она доступна любому разумному человеку с добрым сердцем. Эта программа основана на здравом смысле, базовых законах человеческой психологии, а главное—на любви и уважении к ребенку. Свою программу Кауфманы назвали «Son-Rise»—то есть «восход солнца» и «воспитание сына».

Результаты их работы можно без преувеличения назвать чудом...

Рон Кауфман с отличием сдал выпускные экзамены

ны в школе, закончил университет. Последние годы он возглавляет программу *Global Outreach* (всемирного распространения) *Son-Rise* при Американском центре лечения аутизма.

Все, кто знает Рона, отмечают, что он не только вполне зрелый и здравомыслящий человек, но и веселый, общительный, одаренный, с яркими и нестандартными взглядами, полный энергии и оптимизма. Он не просто адаптировался к жизни — он наслаждается жизнью во всех ее проявлениях, в том числе и общением с людьми (что, казалось бы, для «аутиста» совершенно невозможно). Можно ли поверить, что этого обаятельного и талантливого человека около тридцати лет назад называли «безнадежным», обнаруживали у него «тяжелую умственную отсталость» и предрекали кончину в доме инвалидов?

Если программа *Son-Rise* помогла Рону, решили Барри и Самария, значит она может помочь и другим! Они изложили основные принципы своей работы в книге, носящей то же название, и начали проводить семинары и тренинги для родителей аутичных детей. В настоящее время программой *Son-Rise* пользуются тысячи семей по всему миру — и в подавляющем большинстве случаев достигают поистине чудесных результатов.

В этой брошюре, основанной на сокращенном изложении книги Барри Кауфмана *Son-Rise: The Miracle Continues*, мы изложим основные принципы *Son-Rise* и на примере семьи Кауфманов покажем, как работает эта программа в конкретной ситуации. Надеемся, что это издание будет полезно вам и вашему ребенку.

НАЧАЛО ПУТИ

Барри и Самария Кауфманы были хорошо подготовлены к решению предстоящей задачи. Оба они имели психологическое образование, оба питали глубокий интерес к вопросам философии и психологии. Этот интерес и свел их вместе, и поиски ключа к душевной гармонии стали общим делом этой супружеской пары. После долгих размышлений и изучения различных психологических, философских и религиозных систем Барри Нейл Кауфман с помощью жены создал собственную практическую философию, которая легла в основу разработанных супругами тренингов *The Option Process*.

Основная идея Кауфмана очень проста: «СЧАСТЛИВЫ ИЛИ НЕТ—ЗАВИСИТ ТОЛЬКО ОТ ТЕБЯ».

Едва ли можно спорить с тем, что большинство людей стремятся к счастью.

На первый взгляд, жизненные цели людей весьма разнообразны. Одни мечтают о семье и детях, другие—о блестящей карьере, третьи—о сценическом успехе и признании, четвертые тратят все силы на погоню за богатством или за успехом у женщин, пятые хотят только возможности заниматься любимым делом... Человеческие желания неисчислимы, однако конечной целью всегда является одно—достижение того радостного, удовлетворенного, не смущаемого никакими отрицательными эмоциями состояния души, которое называется счастьем. А замужество, карьера, деньги, успех и прочее—лишь внешние условия, которые, как предполагается, могут сделать человека счастливым.

Наша ошибка в том, что мы рассматриваем счастье—и его антипод, несчастье,— как производные от неких внешних обстоятельств. От этого наша жизнь превращается в бесконечную и бессмысленную погоню за счастьем: мы мучаемся от невозможности достигнуть желаемого, а заполучив то, что хотели, скоро обнаруживаем, что достигнутый успех нас не радует, и кидаемся в новые поиски. А некоторые из нас, истощив силы в этих поисках, решают, что счастье недостижимо, смиряются со своим несчастьем и продолжают жить по инерции или из чувства долга, мучаясь сами и неизбежно мучая окружающих. На самом же деле ключи от счастья и несчастья скрыты в нас самих.

«Счастье есть отсутствие несчастья»,—говорили греческие мудрецы. «Уничтожьте страдание—и получите счастье»,—вторит им Будда. Быть счастливыми и жить полной жизнью нам мешают отрицательные эмоции—гнев, страх, печаль, уныние, чувство вины.

Большинство из нас убеждены, что управлять своими эмоциями невозможно. «Это ошибка»,—говорит Барри Кауфман. Наши чувства и реакции (кроме самых базовых, обусловленных инстинктами) непосредственно связаны с нашими убеждениями и представлениями, сформированными в процессе воспитания. Мы убеждены, что в одних обстоятельствах имеем право испытывать радость, а в других обязаны досадовать, негодовать или скорбеть. Согласно представлениям, вложенным в нас обществом, мы делим предметы, события и явления на «хорошие» и «дурные» и считаем необходимым испытывать положительные эмоции по поводу «хороших» вещей и отрицательные—по поводу «дурных».

Однако вещи сами по себе не бывают ни хорошими, ни дурными: такими делает их наше отношение. И всеобщее убеждение, что при встрече с болезнью, неудачей, безответной любовью или любой другой неприятностью человек «естественно» должен впасть в тоску и уныние,— величайшее заблуждение. Ничего «естественного» в этом нет. Мы грустим, тоскуем, унываем, злимся на себя или на других, потому что общество *приучило* нас испытывать эти чувства. Если нас это не устраивает—мы можем это изменить.

К сожалению, продолжает Барри Кауфман, современная культура построена на настоящем культе отрицательных эмоций. Мы подсознательно убеждены, что счастье и спокойствие—удел тупых и низменных натур, а человек зрелый, интеллигентный, тонко и глубоко чувствующий, непременно должен быть несчастлив. Быть счастливым—глупо, грубо, эгоистично, попросту стыдно. Как можно наслаждаться своим счастьем, когда в мире вокруг нас столько несправедливости и зла? Громкие и фальшивые фразы типа: «Как ты можешь веселиться, когда в Африке голодают дети?» нас не удивляют. Слово «трагическое» давно стало для нас синонимом «возвышенного» и «прекрасного». Литература, театр, кино, модные философские течения—все вокруг полно увлекательными изображениями бурных, сложных и мучительных переживаний: но где найти хоть одно доброжелательное описание человеческого счастья? Где его не осмеют, не обругают, не заклеят ярлыками «ограниченности», «эгоизма» и «мещанства»?

Даже практическая психология, призвание которой—помогать человеку, внесла огромный вклад в

культ страдания. Благодаря широко растиражированным теориям мы убеждены, что страдание—движущая сила человеческой деятельности. Если не помучаешься как следует—ничего в жизни не добьешься. Страдание стало для нас многофункциональным орудием: мы используем отрицательные эмоции, чтобы побудить себя к действиям, чтобы заставить других сделать что-нибудь для нас, чтобы продемонстрировать близким нашу любовь, чтобы измерить силу собственных чувств—и еще для сотни различных целей.

Все, что мы делаем, если внимательно присмотреться, оказывается, основано на разного рода страхах и тревогах. Мы бросаем курить, потому что боимся рака легких. Садимся на диету, потому что боимся выглядеть некрасивыми. Много и старательно работаем, потому что боимся оказаться без средств к существованию. Боремся за мир не потому, что любим мир, а потому, что боимся войны, и защищаем свою жизнь не потому, что хотим жить, а потому, что боимся смерти.

Отрицательные эмоции становятся мерой, которой мы измеряем и оцениваем себя. Если у близкого человека горе, а мы не плачем вместе с ним, то кажемся себе бесчувственными. Если мы совершили ошибку и признаем это, но не мучаемся чувством вины, то кажемся себе бессовестными. Если мы чего-то добиваемся, но неудача не повергает нас в отчаяние,— что ж, выходит, не очень-то и хотелось... И так далее.

Все это было бы не так страшно (в конце концов, кто сказал, что человек непременно обязан быть счастливым?), если бы отрицательные эмоции не представляли реальную и очень серьезную опасность для человечества.

Большую часть преступлений—особенно преступлений, связанных с насилием,—совершают несчастные люди, гонимые злобой, тревогой, страхом или отчаянием. Неспособность избавиться от отрицательных эмоций толкает множество людей в петлю, к бутылке или к наркотикам. С отрицательными эмоциями непосредственно связано развитие многих серьезных болезней—таких, например, как язва желудка. Вся современная потребительская культура, бездушие и бесчеловечность которой давно стали общим местом, в сущности, построена на манипуляции несчастливыми людьми через игру на их отрицательных эмоциях.

Существует мнение, что только под давлением стресса человек способен «творить чудеса». В том, что это заблуждение, Барри Кауфман убедился на собственном опыте. Когда он научился воспринимать свою основную работу (создание рекламы кинофильмов) не как тягостную обязанность, а как интересную творческую игру, когда позволил себе не бояться неудач и не стремиться к успеху любой ценой, то начал работать намного продуктивнее и качественнее.

Есть мнение, что счастье препятствует развитию: счастливый человек, которого ничто не гложет и не грызет, вполне доволен своим положением, он никуда не стремится и «топчется на месте». Но и это ошибка. Отсутствие тяжелых и болезненных переживаний не погружает человека в спячку—наоборот, пробуждает и освобождает его творческие способности, помогает ему «расправить крылья» и свободно развиваться в любом направлении, которое его привлекает. Он свободен, ибо может добиваться своих целей, ничего не страшась и ни

о чем не тревожась. Неудача для него—не конец света: потерпев поражение, он не кусает локти, не злится на весь мир, не занимается самобичеванием и не впадает в депрессию, а просто пробует снова и снова, пока не добьется своего. Его взгляд на мир не искажен темными очками страха и злобы, поэтому он способен видеть окружающее яснее и понимать глубже, чем несчастливые люди, и с большей легкостью находить верные решения. Вот почему, продолжает Барри Кауфман, для счастливого человека нет ничего невозможного.

Как же стать счастливым? Очень просто: осознать, что наши эмоции не даны нам от природы, что они рождаются из нашего отношения к жизни. Изменяются наши взгляды—изменяются и наши чувства.

«Запомните одно,—говорит Барри Кауфман,—**ВЫ НЕ ОБЯЗАНЫ СТРАДАТЬ**». Страдание не помогает жить, не создает полноценной мотивации для деятельности, не повышает работоспособность, не доказывает вашу любовь и способность к сопереживанию. Оно просто медленно убивает вас и мешает жить тем, кто вас окружает.

Всякий раз, когда вы испытываете раздражение, страх, печаль или уныние,—остановитесь и спросите себя: откуда взялось это чувство? Какова его причина? Если оно вызвано какими-то внешними обстоятельствами, можете ли вы изменить эти обстоятельства—или свое отношение к ним?

Если вас, например, угнетают житейские трудности—попробуйте воспринимать их не как мучительную пытку, а как увлекательное приключение. Если работа не приносит радости—не миритесь с этим, задумайтесь о

том, как сделать ее более интересной и творческой (или, может быть, стоит рискнуть потерей дохода и сменить профессию?). Если поведение ребенка не соответствует вашим ожиданиям—вспомните о том, что перед вами не вышедший из-под контроля робот, а человек, самостоятельная и целостная индивидуальность, и что он не обязан быть таким, как нравится ВАМ. Задумайтесь о том, что стоит за его поведением, стоит ли это менять и как именно можно это изменить... И так далее.

Вы спросите: какое отношение все это имеет к помощи аутичному ребенку?

Самое прямое.

Если вы относитесь к состоянию ребенка как к неизбежной трагедии, если его вид приводит вас в уныние, если при слове «аутизм» вас охватывает боль и парализующее отчаяние—помочь ребенку вы не сможете. Если вы видите в нем «больного», «ненормального», «неполноценного», если оцениваете его состояние только в негативном ключе («НЕ говорит, НЕ ходит на горшок, НЕ может и НЕ умеет того, что могут и умеют его ровесники») — вы никогда не сможете проникнуть в его внутренний мир и понять, почему он ведет себя так, а не иначе. Если вы стремитесь как можно скорее и любой ценой «сделать его нормальным» — то есть навязать ему определенные стандарты и заставить им соответствовать, — результаты могут быть катастрофическими.

Аутизм—тяжелое состояние, закрывающее для ребенка многие жизненно важные области деятельности, но в то же время он является своего рода даром. Аутичный ребенок уходит из мира людей, чтобы создать свой

собственный мир—совсем непохожий на наш и, как нам кажется, пустой и монотонный, но на самом деле сложный и разнообразный. Он ищет и находит способы справиться с хаотичностью обрушивающегося на него потока информации—и достигает своей цели, пусть его решения и кажутся нам странными и неприемлемыми. Для этого требуются незаурядные умственные способности, изобретательность и фантазия. Аутист талантлив по определению. Не случайно аутичные дети зачастую с раннего возраста проявляют необычно высокие способности в самых разных областях (от физической ловкости до высшей математики); не случайно и то, что почти все аутисты, преодолевшие свои трудности, в зрелом возрасте обращают на себя внимание одаренностью, яркостью и нестандартностью мышления.

Правда в том, что рядом с вами живет маленький гений. Но он обитает в своем мире, за незримыми, но непреодолимыми стенами. Он заблудился в этом мире и не знает, как выйти на свет, к людям. Чтобы помочь ему, вам придется отправиться в этот чужой мир, найти своего ребенка, взять за руку и вывести из лабиринта. Путеводной звездой для вас станет безусловная любовь к ребенку, путеводной нитью—уважение к его личности и желание понять. Оставив за спиной страх, горе и чувство вины, вооружившись оптимизмом и позитивным отношением к ситуации, вы сможете достичь невозможного.

Трагедия? Трудное, но увлекательное *приключение*.

Барри и Самария Кауфманы разработали свою оптимистическую философию еще до рождения Рона, поэтому известие об аутизме сына не застало их врасплох. Они

не позволили себе поддаться горю и отчаянию, не позволили себе поверить, что их сын потерян для полноценной жизни. Они решили действовать.

Но, прежде чем искать выход из лабиринта, нужно сориентироваться и прозреть. Вот почему подготовительной ступенью программы, которая потом получила название *Son-Rise*, стали долгие душевные разговоры, в которых отец и мать без утайки поверяли друг другу все свои страхи и тревоги, связанные с сыном. Они были совершенно откровенны друг с другом. Если хотелось плакать—плакали, если хотелось улыбнуться—улыбались. Разговоры затягивались далеко за полночь; порой супруги засыпали только к утру. Прежде чем пускаться в путь на помощь сыну, им необходимо было обсудить все вопросы и сомнения, не дававшие им покоя.

День за днем они вспоминали младенчество сына, пытаясь понять, что вызвало сбой в его развитии. Психоаналитические теории гласят, что аутизм связан с холодностью и недостатком любви со стороны родителей: возможно ли такое? Нет, Рону доставалось не меньше любви и внимания, чем его старшим сестрам. Очевидно, дело не в этом. Может быть, виной всему тяжелая ушная инфекция, которую он перенес в месячном возрасте? Или сильные антибиотики, которыми его лечили от этой инфекции? Или что-то еще?

Быть может, родители виноваты в том, что слишком поздно заметили нарастающие симптомы аутизма? Что поначалу приняли их за нормальное развитие самостоятельности и независимости? Быть может, нужно было сразу бить тревогу—и не верить педиатрам, говорившим, что с ребенком «все в порядке» и «с возрастом все пройдет»?

Они не стеснялись высказывать друг другу любые предположения, приходившие на ум,—даже самые «дурацкие». Однажды Самария со слезами на глазах призналась, что ей не дает покоя одно воспоминание. Во время первых двух беременностей она молилась о том, чтобы дети не болели, но в третий раз очень хотела сына и молилась только о том, чтобы родился мальчик, а о его здоровье не упоминала.

— Милая моя,—сказал ей Барри,—неужели, ты думаешь, Господь в неизмеримой мудрости своей не догадался, что ты хочешь, чтобы сын был здоров?

— Конечно, это глупо,—ответила она,—но все же мне не давала покоя мысль, что это я во всем виновата. И только сейчас, когда я набралась духу об этом рассказать, сама поняла, что этого не может быть,—и мне стало легче.

Снова и снова обсуждая эти болезненные вопросы, пока наконец беспокойство и чувство вины не оставили их, Кауфманы пришли к выводу: если они в чем-то и виноваты, этого уже никак не узнаешь. Так что нет смысла терзать себя воспоминаниями: нужно двигаться вперед.

Они говорили не только о прошлом, но и о будущем—и здесь ничто не оставалось замолчанным. Что будет с Роном дальше? Что, если он так и не научится общаться с людьми? Смогут ли родители любить его таким, какой он есть? Кауфманы не боялись обращаться к самым тяжелым и болезненным вопросам, бесстрашно называли свои худшие страхи и тяжелейшие переживания—и в конце концов, проникнув мысленным взором в самую глубину своих душ и испытав себя, смогли дать на эти вопросы обдуманнные, ответственные, идущие из сердца ответы.

Рон—чудесный маленький мальчик, и папа и мама любят его всем сердцем. Их любовь не превозносится, не ищет своего, ничего не требует и не ставит никаких условий. Барри и Самария принимают сына таким, какой он есть. Пусть он никогда не научится говорить, пусть всю жизнь разглядывает свои пальцы и вертит тарелки—в их чувствах от этого ничего не изменится, сын по-прежнему будет приносить им любовь и радость. Однако они верят, что Рону можно помочь, и ради этого сделают все, что в их силах.

Прежде чем начать действовать, Кауфманы предприняли еще один важный предварительный шаг. Они обсудили ситуацию со своими дочерьми, восьмилетней Брин и пятилетней Тией: постарались объяснить им (очень просто, в выражениях, доступных для понимания маленьких девочек), в чем заключаются проблемы их братика, и рассказали о своем решении. До сих пор они не обсуждали с девочками «странности» Рона, но теперь постарались вовлечь их в разговор, дать возможность выразить свои чувства.

Девочки воспринимали аутизм младшего брата по-разному. Старшая, Брин, постоянно пыталась «растормошить» Рона, и то, что он не обращал на нее внимания, очень ее огорчало. «Наверное, я ему не нравлюсь,—призналась она отцу.—Поэтому он не хочет со мной дружить».

— Это не так,—ответил ей Барри.—Он хотел бы с тобой дружить, но просто не может. Скажи, если бы Рон был глухим, ты бы обижалась на то, что он тебя не слышит?

— Конечно, нет, — ответила Брин.

— Так вот: уши и глаза у него в порядке, но его болезнь не дает ему смотреть тебе в лицо и откликаться на твой голос. Он не отвечает на твою любовь, потому что не понимает, как это сделать. Мы хотим научить его смотреть на людей и слушать людей, и, думаю, ты сможешь нам в этом помочь.

Малышка Тия не беспокоилась о состоянии брата—она сама любила играть одна и не видела ничего особенного в нежелании Рона общаться. Куда больше беспокоило ее другое: братик болен, родители собираются посвятить ему все свое время—а что же будет с ней? Барри и Самария заверили Тию, что любят их с сестрой, как прежде, и обязательно, при любых обстоятельствах, будут находить время приласкать их и поиграть с ними.

Теперь, когда семья была едина в своем стремлении помочь Рону, можно было приниматься за дело.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Кауфманы понимали: прежде чем предпринимать какие-то активные шаги, необходимо понять, почему Рон ведет себя так, а не иначе. Что стоит за его «странностями» — необычными движениями, стереотипными играми, отказом от общения?

Современные психиатры давали им на этот вопрос различные ответы. Одни считали, что специфические симптомы аутизма являются реакцией протеста против окружающей обстановки; другие ограничивались утверждением, что «странности» аутичного ребенка не требуют никаких особых объяснений — это просто внешние проявления мозговых нарушений, и смысла в них не больше, чем в бессвязном бреде сумасшедшего. И те, и другие сходились на том, что аутичное поведение нежелательно, болезненно, вредно, что ребенка необходимо тем или иным способом от него «отучить» и «переключить» на более осмысленные и полезные занятия.

Однако даже самое поверхностное наблюдение за Роном позволяло думать, что ученые ошибаются. Никакого «протеста» в его действиях, очевидно, не было — он с равным удовольствием вертел тарелки и на глазах у других, и в одиночестве, причем, увлеченный своей игрой, вовсе не замечал присутствия посторонних. Не было в его действиях и хаотической бессвязности — движения Рона были экономны и точны, в них чувствовалась целенаправленность, и по тому, с каким увлечением он отдавался своим странным забавам, нетрудно было догадаться, что стереотипные игры для него чрезвычайно важны. Возможно, именно

они помогают ему справляться с психической нагрузкой, которая иначе была бы для него непосильна. Но почему? Как они действуют? Что дают? Чего именно ему не хватает? Поняв это, родители смогут понять, как ему помочь.

И отец и мать начали наблюдение.

Поскольку Барри работал, основная нагрузка приходилась на Самарию: муж присоединялся к ней или подменял ее вечерами и по выходным. Родители стремились проводить как можно больше времени рядом с Роном: рядом с ним ели, пили, занимались домашними делами—и внимательно наблюдали за тем, что он делает. Поскольку Рон, казалось, вовсе не замечал окружающего мира, эта неотрывная «слежка» его не смущала. В поисках ключа к разгадке Кауфманы обращали внимание на все, даже самые мелкие, подробности. Чем именно занимается ребенок? Как долго совершает то или иное стереотипное действие? Делает ли перерывы? Куда смотрит? Как реагирует, когда его пытаются отвлечь? Как изменяется выражение его лица? И так далее. Они вели подробные записи и каждый вечер обсуждали результаты своих наблюдений, пытаясь сложить кусочки мозаики в цельную картину.

Порой, когда Рон что-нибудь вертел, раскачивался или кружился вокруг своей оси, родители присоединялись к нему. Иногда случалось, что вокруг Рона собирались все, кто был в это время в доме—родители, сестры, няня,—и принимались вертеть на полу тарелки, чашки, сковородки, любые круглые предметы, какие им удавалось найти. Эти действия имели две цели. Во-первых, родители надеялись, что, копируя действия ребенка,

смогут увидеть и почувствовать то, что видит и чувствует при этом он; во-вторых, в этом они видели единственный способ дать Рону понять, что любят его и хотят быть с ним.

Метод Кауфманов радикально отличался от распространенных бихевиористских программ, призванных «корректировать неправильное поведение» ребенка с помощью системы наград и наказаний. Подобная «коррекция», хотя и продиктованная благими намерениями, способна нанести ребенку тяжелейшую психическую травму и навсегда закрыть для него дорогу к выздоровлению. Нужно понять, что «неправильное поведение» *необходимо* аутичному ребенку: это единственное, что облегчает его существование в огромном, непонятном и неизмеримо сложном мире. Аутичный ребенок ведет себя «ненормально» не по собственному выбору, не из каприза, не назло родителям, а потому, что вести себя иначе для него невыносимо тяжело. Пытаться отучить его от стереотипий, не выяснив глубинных причин их возникновения и не найдя им адекватной замены, все равно, что требовать от человека со сломанной ногой успехов в беге.

Что произойдет, если родители или педагоги в своих попытках изменить ребенка ограничатся внешними проявлениями его аутизма, не вникая в их глубинные причины? Если вместо того, чтобы проникнуть в его внутренний мир, попытаются методом «дрессировки» привести его поведение к общепринятым стандартам? Если будут не преобразовать ребенка, а ломать его индивидуальность?

Разумеется, ничего хорошего из этого не выйдет. Возможно, таким педагогам и удастся уничтожить тот или иной стереотип: однако личность ребенка, которую они пытаются спасти, скорее всего, окажется для них навсегда потеряна. В самом деле, как сумеет ребенок полюбить тех, кто считает его самого «ненормальным», а его поведение — «неправильным», кто беспрестанно оценивает его и судит, навязывает ему свои стандарты, под угрозой наказания запрещает делать то, в чем он видит свою единственную отраду, и заставляет делать то, что причиняет ему нешуточные страдания? Как сможет им доверять? Как сможет чему-то от них научиться? Такие педагоги — и весь внешний мир, который они воплощают собой, — превратятся для аутичного ребенка в опасных и могущественных врагов, вся жизнь — в непрерывную муку и борьбу за существование.

Теперь Кауфманы начали понимать, откуда берется пресловутая агрессивность, которую детские психиатры считают едва ли не неотъемлемым элементом аутизма. Врачи, как правило, имеют дело с аутичными детьми начиная с трех-четырёх лет и старше, то есть с детьми, которые уже столкнулись с непосильными для них требованиями окружающего мира, уже испытали на себе чужое недовольство, приказы, наказания, попытки манипуляции и давления. Попросту говоря, эти дети уже привыкли к тому, что им постоянно *мешают жить*. Что же удивительного, что они становятся агрессивными и неуправляемыми?

В этом смысле Рону повезло: родители осознали, что он болен очень рано, когда он еще не успел вступить в конфликт с окружающим миром и мог выработать пат-

терны разрушительного и саморазрушительного поведения. У Рона нет страха и неприязни по отношению к окружающей действительности—она ему просто непонятна. А значит, его путь к людям будет не так сложен и тернист, каким мог бы быть.

Так Кауфманы установили первый и самый важный принцип своей программы: НЕ СУДИТЬ РЕБЕНКА. Не сравнивать его со сверстниками, не сокрушаться по поводу его «ненормальности», не оценивать его поведение по общепринятым стандартам, не заставлять его вести себя «как полагается». Относиться к нему не как к больному, а... например, как к инопланетянину, гостю из иной вселенной, которого нужно научить языку землян. А для этого необходимо окунуться в его мир, познать его язык. И дать ему понять, что здесь, на Земле, его любят и ждут таким, какой он есть.

Наблюдая за ребенком, Кауфманы тщательно записывали все свои наблюдения, строили на их основе гипотезы, сопоставляли то, что удалось узнать им самим, со сведениями из специальной литературы. Приблизительно через две недели у них сложилась концепция состояния Рона и стали ясны основные направления дальнейших действий.

Одним из любимых занятий Рона было рассматривание своих рук. По утрам, лежа в детской кровати, он подносил к самым глазам то одну, то другую руку и начинал поочередно сгибать пальцы, не отводя от них глаз. Иногда в движениях его пальцев чувствовался определенный ритм. Этой несложной игрой Рон мог заниматься часами. Более того: порой и днем, стоило собственным

рукам попасть в поле его зрения, он замирал и, забыв обо всем, принимался как зачарованный их рассматривать.

Такое поведение было бы нормально для младенца, только что открывшего, что у него есть руки. Но Рон, семнадцати месяцев от роду, всякий раз, заметив свои руки, вел себя так, словно увидел их впервые. Возможно, для него это так и было? Существует обоснованное мнение, что одним из элементов аутизма является неспособность сохранять в памяти предшествующие переживания, сопоставлять их с настоящими и строить на основе этого опыта абстрактные умозаключения: наблюдая за Роном, Кауфманы все яснее понимали, что, скорее всего, это так и есть.

То же самое ярко проявлялось в отношении Рона к еде. Мальчик всегда ел с аппетитом, у него были любимые блюда; однако он никогда не просил кушать, не плакал от голода и вообще никак не проявлял желания есть, даже если кормление задерживалось. Когда мать подносила к его рту ложку, он ел с удовольствием; однако, стоило убрать ложку и унести еду—Рон, казалось, тут же о ней забывал, даже если съел явно недостаточно. Очевидно, физиологическое ощущение голода в его сознании не связывалось с едой: почувствовав голод, он не понимал, что это за желание и как его утолить, и «вспоминал» об этом, только когда у самых его губ оказывалась ложка с детским питанием. Каждый прием пищи происходил для него как будто в первый раз.

Самария провела «эксперимент». Смотреть на людей Рон отказывался, однако она заметила, что он может следить глазами за своим любимым печеньем. Взяв печенье в руку, она некоторое время водила им перед его глазами

вверх и вниз, направо и налево—Рон, явно заинтересованный, не отрывал от него глаз. Однако, стоило ей прикрыть печенье листом бумаги—ребенок как будто о нем забыл. Он не выказал недовольства тем, что печенье исчезло, не пытался его найти—просто смотрел на то место, где оно только что было. А, когда печенье появилось снова, Рон воспринял его, как нечто совершенно новое. Очевидно, у него не было того, что у обычных детей, как правило, развивается к восьми месяцам,— представления о том, что предмет, скрывшийся из поля зрения, продолжает существовать. Исчезнув с глаз, предмет исчезал и из его памяти.

Теперь стало ясно, почему он не узнает родных, реагируя на знакомые лица точно так же, как на незнакомые; прояснились и многие другие «странности» его поведения. Для Рона, поняли родители, не существует прошлого—только настоящее. Он не способен пользоваться накопленным опытом и вынужден снова и снова, как в первый раз, получать одни и те же знания—и поэтому, естественно, не может двигаться вперед.

Заметим, что собственно интеллект Рона—то есть способность анализировать поступающую информацию и планировать свои действия—остался неповрежденным. В этом убедил родителей один красноречивый случай. Рон, как мы упоминали, обожал вертеть на полу различные круглые предметы; но однажды в руки ему попала прямоугольная коробочка из-под обуви. Рон взял ее в руки, поднес к самым глазам и начал внимательно рассматривать. С видом глубокой сосредоточенности он разглядывал коробку почти 25 минут, поворачивая ее так и этак, иногда поглаживая ее стороны или пробегая

пальцами по углам. Затем поставил коробку на угол—и ловким, уверенным движением начал вращение. Никаких предварительных примерок. Никаких проб и ошибок. Как видно, Рон произвел настоящую интеллектуальную операцию: обдумал потенциал коробки как пригодного для вращения предмета, рассчитал в уме ее оптимальное положение в пространстве, оптимальную силу и направление движения своей руки. И это—в 1 год и 5 месяцев! Очевидно, врач, поставивший Рону диагноз «тяжелой умственной отсталости», ошибался: умственные способности Рона даже превосходили способности его сверстников. Проблема в том, что он почти не мог ими пользоваться.

Как же открыть для него прошлое? Родители полагали, что единственное средство для этого—речь. Необходимо связать в сознании Рона каждый предмет, каждое действие с тем или иным словом. Владение языком поможет ему упорядочить свои переживания, научит сопоставлять прошлый опыт с настоящим, позволит подняться от единичных переживаний к абстрактным умозаключениям. Но как научить малыша говорить, если он не умеет слушать взрослых и подражать им?

Кауфманы продолжали наблюдение. Теперь основным предметом их внимания стали стереотипные действия Рона—раскачивание, кружение на месте, верчение предметов. Нетрудно было понять, что эти занятия оказывают на него успокаивающее и аутостимулирующее воздействие, поэтому он готов заниматься этим часами. Не раз родители замечали, что он прибегает к стереотипным действиям, будучи чем-либо раздражен или расстроен. Но почему именно качание и верчение? Может

быть, из-за искаженного восприятия действительности мир кажется Рону вращающимся? Может быть, он испытывает постоянное головокружение? Хотя он умеет ходить и двигается вполне уверенно, но часто ходит на цыпочках—возможно, так ему легче сохранять равновесие?

Так или иначе, было очевидно одно: восприятие окружающей действительности является для Рона столь травмирующим фактором, что он испытывает почти постоянную нужду в искусственном «успокоении». А стереотипные действия, в свою очередь, уводят его все дальше от соприкосновения с миром и возможности чему-то научиться из наблюдения за окружающим. Получается заколдованный круг.

Избирательная чувствительность Рона к зрительным и слуховым впечатлениям оставалась для родителей загадкой. Почему он словно не слышит громких звуков, зато порой увлеченно прислушивается к тихим? Почему иногда словно не замечает того, что у него перед самым носом? Возникло несколько предположений. Возможно, думали родители, сенсорная система Рона гиперчувствительна, и сильные ощущения вызывают в ней что-то вроде «короткого замыкания». А возможно, напротив, чувствительность Рона к внешним впечатлениям снижена, поэтому он воспринимает внешний мир избирательно—например, разглядывая что-либо, «отключает» слух, а прислушиваясь к чему-либо, оставляет «незанятыми» глаза. Если так—можно только восхищаться его способностью к самоконтролю!

Этот вопрос требовал дальнейшего изучения; однако стало очевидно, что корень проблем Рона кроется в двух

нарушениях: во-первых, в неспособности сопоставлять прошлые переживания с настоящими и пользоваться накопленным опытом и, во-вторых, в серьезных нарушениях восприятия, искажающих его видение окружающего мира. Исходя из этого, Барри и Самария Кауфман установили для себя три правила:

1. Что бы ни происходило, они не должны выражать неодобрения или недовольства поведением Рона. Всеми силами, всеми средствами, какие им доступны, они постараются передать мальчику одно: **МИР НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ДЛЯ НЕГО УГРОЗУ, ЕГО ЗДЕСЬ ЛЮБЯТ И ЖДУТ.**
2. Очевидно, контакт с реальностью требует от Рона огромных усилий. То, что другим детям дается без труда, для него становится подвигом, равным восхождению на Эверест. А взойти на Эверест может только тот, кто этого очень хочет. Рон не сможет выбраться из лабиринта своих искаженных восприятий, **ЕСЛИ САМ ЭТОГО НЕ ЗАХОЧЕТ.** Значит, родители должны **СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ОН ЗАХОТЕЛ БЫТЬ С НИМИ**—всею душой и всем сердцем. Они должны очаровать его, увлечь, привлечь, всеми возможными средствами дать понять, что в реальном мире его ждут радость и счастье, не сравнимые с его нынешним одиноким существованием.
3. Необходимо **ДАВАТЬ Рону ИНФОРМАЦИЮ В ТОМ ВИДЕ, В КОТОРОМ ОН СПОСОБЕН ЕЕ УСВОИТЬ.** Нужно продолжить исследования его восприятия, чтобы понять, каким именно ему видится мир, и предлагать новые сведения **В МАКСИМАЛЬНО КОМФОРТНОЙ ДЛЯ НЕГО ФОРМЕ.**

И еще одно: нельзя было терять времени. Время— не союзник, а противник аутичного ребенка. С каждым днем Рон все дальше уходил от реальности, все глубже погружался в свой одинокий мир, паттерны его стереотипного поведения закреплялись все прочнее и становились все более жесткими.

Нужно было спешить.

УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТАКТА

«Комнату для занятий» Кауфманы решили оборудовать в ванной. На начальном этапе требовалась максимальная простота обстановки, отсутствие каких-либо отвлекающих факторов. Ванная комната подходила для этого как нельзя лучше. Белые стены, белый потолок, белый кафель на полу. Ни окон, ни картин на стенах. Никакой «меблировки», кроме ванны, раковины и унитаза. Здесь, на небольшом пространстве между ванной и унитазом (примерно четыре на шесть футов), Кауфманы начали устанавливать контакт со своим «особым» ребенком.

Из ванной убрали всё, что могло отвлечь внимание (например, цветные полотенца), зато принесли и расставили на полу тарелки, чашки, крышки от бутылок—словом, всё то, с чем Рон любил играть. Очень важно было дать ребенку понять, что общение с людьми не потребует от него никаких жертв и не лишит его излюбленных развлечений.

Поскольку на первом этапе впечатления ребенка должны быть максимально ясными и несложными для восприятия, в ванной с Роном занималась только мать. Отец и сестры оставались зрителями—точнее, слушателями; они часто сидели за дверью ванной комнаты и прислушивались к тому, что там происходит.

С самого утра, умыв и покормив Рона, Самария шла вместе с ним в ванную. Здесь мать и сын проводили вместе долгие часы. Сидя рядом с сыном на полу, Самария терпеливо наблюдала за ним, подмечая каждое его действие, каждое движение. Сама она старалась не двигаться и не издавать никаких звуков, особенно громких и рез-

ких. Непредсказуемость и неуправляемость поведения живых существ смущает и пугает аутичного ребенка; именно поэтому обществу людей он предпочитает компанию неодушевленных предметов. Чтобы завоевать доверие Рона, его мать должна была стать предсказуемой и безопасной, словно предмет мебели.

В первые дни Самария позволяла себе лишь копировать действия ребенка. Если он, не отрываясь, смотрел в одну точку—она следила за его взглядом, смотрела вместе с ним, пытаясь понять, что он там видит. Если начал качаться взад-вперед—раскачивалась в том же ритме. Если мычал без слов—мычала вместе с ним, уловив темп и нехитрую «мелодию». Всеми этими действиями она как бы говорила ему: «Я с тобой, Рон. Я люблю тебя. Я хочу тебя понять. Хочу быть вместе с тобой».

Большую часть времени Рон, казалось, просто не замечал ее присутствия, однако Самария верила: он знает, что она здесь, рядом с ним.

Так прошло десять дней. На одиннадцатый день Самария впервые уловила со стороны Рона знак внимания—быстрый косой взгляд в ее сторону. Правда, тут же мальчик отвел глаза и снова погрузился в себя—и все же это была победа.

Сердце матери радостно забилося. Однако она не позволила себе ни вскрикнуть, ни как-либо иначе проявить свое волнение—лишь улыбнулась и негромко, мягко сказала: «Молодец».

Имелись и другие признаки, позволявшие предположить, что общение в ванной действует на Рона благотворно. Он явно начал больше интересоваться окружающим миром. Если в первые дни, войдя в ванную, он

сразу устремлялся к своим тарелкам, то теперь сперва обходил комнату, присматривался к стенам, подолгу и с интересом разглядывал ванну и раковину.

Посоветовавшись, родители решили перейти к активной стимуляции. На следующий день, уединившись с Роном в ванной, Самария села ближе к нему, так, что ее нога касалась его ноги. Когда он, по своему обыкновению, начал раскачиваться, она погладила его по плечу, а затем начала осторожно и нежно похлопывать по руке в ритме его движения.

Как правило, Рон не любил чужих прикосновений—однако на этот раз он не стал ни отстраняться, ни отталкивать ее руку. Самария, уже в совершенстве изучившая язык его тела, чувствовала, что он напряжен и готов отстраниться в любой момент—словно приручаемый зверек, которого в первый раз гладят. Однако он не отталкивал мать. Самария продолжала похлопывать его по руке; через несколько минут изменившаяся поза и выражение лица подсказали ей, что Рон, утомленный новым впечатлением, «ушел в себя», а еще через минуту он встал и отошел. Самария не настаивала: она терпеливо ждала, пока сын переварит новые впечатления и успокоится. Минут через пятнадцать она снова подошла к Рону и стала гладить его по руке—и на этот раз он воспринимал ее ласку немного дольше.

Постепенно Самария увеличивала продолжительность физического воздействия и разнообразила его методы. Она обнимала ребенка, гладила, щекотала, брала на руки и подбрасывала в воздух. Как правило, Рон этому уже не противился—более того, несомненно, получал от этого удовольствие. Однако Самария внимательно

следила за тем, чтобы не утомлять сына, и не навязывала ему активное общение, если видела, что он этого не хочет. Если же у него не было настроения играть с матерью, она ни словом, ни жестом, ни выражением лица не выражала своего неудовольствия или неодобрения.

Общение с матерью, несомненно, действовало на Рона благотворно: он стал активнее и смелее в своих занятиях, явно больше интересовался окружающей обстановкой. Однако он по-прежнему не смотрел на людей. Самое большее, чего удалось от него добиться Самарии, — несколько быстрых косых взглядов в ее сторону. Создавалось впечатление, что фигуры окружающих людей существуют для Рона где-то на периферии его зрения. Как же он сможет чему-то научиться у взрослых, если не будет на них смотреть?

Для установления зрительного контакта родители решили использовать еду. Мы уже упоминали, что Рон всегда ел с аппетитом и умел следить глазами за ложкой с едой. Теперь завтрак, обед и ужин переместились в ванную. Самария садилась прямо напротив Рона, чтобы ему было удобнее на нее смотреть. Она не спешила, как раньше, поскорее накормить ребенка; напротив, растягивала кормление, набирая на ложку очень скромные порции. Заметив, что Рон смотрит на ложку, она подносила ее к своему лицу. Рон следовал взглядом за своим любимым блюдом: встретившись с ним глазами, Самария улыбалась ему и произносила слово: «Еда». Таким образом, за один прием пищи она устанавливала зрительный контакт с Роном около тридцати раз.

Результаты не заставили себя ждать: уже через несколько дней Рон начал внимательно смотреть на мать

во время еды, более того—подолгу вглядывался в ее глаза, словно пытался понять смысл и значение ее взгляда.

Постепенно Самария вводила в ежедневную рутину новые, все более сложные, разнообразные и стимулирующие занятия. Она играла с Роном в «прятки», пряча от него, а потом показывая ему печенье и ломтики любимых фруктов; подолгу разговаривала с ним, пела ему детские песенки, показывала, как «говорят» животные,—крякала, как утка; лаяла, как собака; мычала, как корова. Рон наблюдал за ней с несомненным и живым вниманием.

Самария придумывала новые игры. Она наполняла раковину водой и опускала туда руки сына, наглядно показывая ему разницу между холодной, теплой и горячей водой, обычной водой и водой с мылом. Кран, из которого текла вода, совершенно зачаровал Рона: то, что для его родителей и сестер было самой собой разумеющимся (повернешь ручку—потечет вода), для него составляло предмет удивления и источник неисчерпаемого интереса.

Самария и другие члены семьи старались постоянно разговаривать с Роном. Они показывали и называли ему различные предметы в доме, сопровождали пояснениями каждое его и свое действие. При этом использовали очень простые фразы, из одного-двух слов, сопровождали свои слова жестами, старались произносить все слова примерно с одной громкостью и в одном тоне. И их усилия были вознаграждены: к концу третьей недели, хотя Рон по-прежнему не говорил и не делал никаких жестов—только следил глазами за тем, что привлекало его внимание,—он явно начал прислушиваться к речи

взрослых и кое-что понимать. Так, при слове «еда» он мгновенно открывал рот, а услышав, что мама будет вертеть тарелки вместе с ним, начинал радостно махать руками.

Однако не стоило форсировать события. Раз или два Кауфманы брали Рона с собой и дочерьми на прогулку в парк. Но скоро они заметили, что эти прогулки не приносят ему пользы. Свежий воздух, ветер, солнечный свет, трава, деревья, пруд с утками, множество других людей вокруг—все это обилие новых стимулов утомляло Рона и рассеивало его внимание. Во время прогулок движения его становились резкими, как будто насильственными, целесообразность их резко снижалась, и, как правило, родителям не удавалось установить с сыном даже минимальный контакт. Значит, от прогулок и другой гиперстимуляции следовало пока воздержаться.

Кауфманы продвигались вперед осторожными, неторопливыми шагами. Вместо того, чтобы вести ребенка в парк, они устраивали прогулки на заднем дворе собственного дома: водили Рона босиком по траве, песку, рыхлой земле, давали ему потрогать траву, ветки и листья, чтобы расширить его тактильный опыт. Однажды Самария развела землю в воде и поставила Рона босиком в получившуюся земляную кашу. Полужидкая грязь облепила его ноги, и от этого нового и интересного ощущения Рон—впервые в жизни—широко, открыто улыбнулся. А какую радость и интерес доставило ему первое в жизни купание в домашнем бассейне!

Самария старалась проводить с Роном каждую свободную минуту: предлагала ему все более разнообразные

игры и занятия и при этом не переставала с ним разговаривать, при любой возможности старалась прикоснуться к нему, обнять, погладить или взять на руки. Заметив, что ребенок утомлен тем или иным занятием, она переходила к чему-то другому; если он не хотел обниматься, не настаивала, а вместо этого предлагала поиграть; но если он явно предпочитал остаться один—не навязывала ему свое общество. В общей сложности она проводила с Роном около 75 часов в неделю.

Вечером, уложив Рона спать, родители обсуждали его успехи. Продвижение вперед было медленным, но оно, несомненно, было. С каждым днем Рон становился живее, активнее и смелее: он уже позволял обнимать себя сперва пять, затем целых десять секунд, улыбался от радости, время от времени по собственной инициативе смотрел родителям в лицо, а один раз даже сам взял отца за руку!

Еще одним увлечением Рона стала музыка. Заметив, что он проявляет интерес к мелодиям, его родители поставили в ванную магнитофон. Теперь малыш мог часами слушать самую разнообразную музыку—от Баха и Бетховена до джаза и современных композиторов.

Однажды утром, войдя вместе с матерью в ванную, Рон направился прямо к магнитофону, остановился рядом с ним, а затем повернулся и взглянул прямо на мать. Он не говорил, не издавал никаких звуков, не делал жестов, однако взгляд его был выразителен и настойчив. Самария немедленно включила магнитофон—и Рон, забыв обо всем, погрузился в наслаждение симфонической гармонией.

Трудно описать радость, которую испытали Барри

и Самария. Впервые в жизни их сын самостоятельно установил контакт с другим человеком ради достижения своей цели! Наконец-то он понял, что общение с людьми имеет смысл и значение: люди могут дать ему то, чего он хочет!

Состояние Рона улучшалось с каждым днем. Он все меньше времени уделял своим стереотипным играм, все чаще и все с большим интересом наблюдал за взрослыми. Теперь, когда родители качались, кружились и вертели тарелки рядом с ним, он ясно давал понять, что признает их присутствие. Хотя он по-прежнему предпочитал смотреть на людей не прямо, а искоса, боковым зрением, не оставалось сомнения, что лица, голоса, слова и действия отца и матери приобретают для него все большее значение.

Однако чувствовалось, что неодушевленные предметы по-прежнему интересуют Рона больше, чем живые люди. Контакты с родными давались ему с трудом, и часто он вел себя так, словно родителей не было рядом. Когда отец или мать собирались взять его на руки, он не протягивал руки им навстречу и не делал никаких других «предвосхищающих» жестов; на руках у родителей он оставался расслабленным и вялым, руки и ноги его беспомощно свисали, словно он не знал или не понимал, как обнять отца или мать ответно.

Что ж, если так—значит для налаживания связи с ним нужно использовать предметы.

И Кауфманы перешли к обучающим играм. Они купили набор геометрических фигур и коробку с отверстиями различной формы—квадратными, круглыми, прямо-

угольными, треугольными. Все геометрические фигуры были разного цвета: кубики—черные, треугольники—синие, шары—зеленые и так далее. Так, учась различать форму и размеры, Рон в то же время учился различать цвета. Кроме того, в доме появились гладко оструганные деревянные бруски различных форм и размеров, деревянные фигурки животных, а также самые простые пазлы, изображающие различных домашних животных и предметы домашней обстановки. С помощью этих картинок, полагали родители, Рон сможет больше узнать о мире, оставаясь в спокойной и не угрожающей ему обстановке, и окружающая действительность приобретет для него более ясные и отчетливые черты.

Обучающие игры проходили спокойно и ненавязчиво. Барри и Самария не давили на Рона, позволяя ему самому выбирать темп и продолжительность занятий. Они стремились к тому, чтобы каждое новое понятие и новое действие обрело для Рона конкретный смысл; но прежде всего их интересовало не обучение тем или иным навыкам, а расширение и углубление контакта с сыном.

Вот Самария извлекает из деревянного паза фигурку кошки, протягивает ее Рону со словами: «Кошка. Смотри, кошка. Мяу-мяу!» Она подражает мяуканью и мурлыканью кошки, по-кошачьи фырчит Рону в ухо, смеется и щекочет ему животик. Как это весело—быть кошкой! Рон внимательно разглядывает игрушку: однако почему-то его интересует не лицевая, раскрашенная, а обратная сторона фигурки. Что ж, ничего страшного: пусть познает мир так, как ему удобнее. Вот он пытается уложить кошку обратно в паз, засовывая ее вверх ногами. Самария улыбается, хлопает в ладоши и говорит,

что Рон молодец, а потом, положив свою руку поверх его руки, переворачивает кошку и показывает, как уложить ее правильно. Он пытается повторить ее движение—и за это получает новую порцию похвалы и вкусное печенье. Постепенно Рон начинает понимать, что от него требуется. Однако он скоро устает—и Самария, ласково погладив его по голове, переходит к другим играм или просто на некоторое время оставляет его в покое.

Поскольку у Рона имелись трудности с восприятием и запоминанием нового, родители старались разбить для него каждое новое действие на несколько мелких этапов и обучать его каждому этапу поочередно. Например, чтобы положить кубик в квадратное отверстие, нужно сначала взять кубик в руку, затем найти нужное отверстие, потом повернуть кубик так, чтобы он проходил в отверстие, и опустить его туда. Всему этому Рона приходилось обучать по очереди, и его успех на каждом этапе вознаграждался похвалами и лакомствами, даже если следующие этапы ему пока не давались.

В обучающих играх всегда есть что-то от «дрессировки»; однако они ни в коем случае не должны превращаться в механический процесс, и овладение тем или иным навыком не должно становиться самоцелью. Главное—не научить ребенка отличать квадратное от круглого, а показать ему, сколько прекрасных и увлекательных переживаний скрывается в творческой игре, познании нового, взаимодействии с другими людьми и с окружающим миром.

По мере того как Рон становился активнее и увереннее в себе, родители предоставляли ему все больше свободы. Теперь они позволяли ему самому выбирать себе

занятие: раскладывали перед ним в ряд несколько игрушек разных типов, тарелку для верчения, порцию его любимой еды—и смотрели, что он выберет. Если вместо игры Рон выбирал еду—его кормили, если выбирал стереотипные действия—раскачивались и кружились вместе с ним. Они доверяли Рону и верили: он сам знает, что ему в данный момент нужно.

Примерно месяц спустя после начала занятий Барри и Самария решили привлечь к участию в программе дочерей. Им хотелось, чтобы преобразование Рона стало делом всей семьи, чтобы Брин и Тия чувствовали себя не посторонними или пассивными зрителями, а активными участницами общего дела.

Поговорив с дочерьми, Барри и Самария убедились, что они готовы помогать брату. В простых и доступных выражениях родители объяснили им, что именно делают, к каким результатам стремятся и какие приемы для этого используют; особо предупредили, что не следует давить на Рона, заставляя его заниматься тем, чего он не хочет, или выражать недовольство, если он предпочитает одиночество и стереотипные игры. Перед тем, как начать заниматься с братом самим, девочки в течение нескольких дней наблюдали, как это делает мать.

Не забыли родители обговорить и еще один важный момент. Помощь дочерей будет им очень полезна: однако Брин и Тия *не обязаны* заниматься с Роном. Если какой-то день кто-то из девочек предпочтет целиком посвятить своим делам—это нормально. Если кто-то из них почувствует, что ей тяжело общаться с братом, что она не хочет больше этим заниматься или просто захочет немного

отдохнуть от Рона—ничего страшного, пусть подойдет к родителям и об этом скажет. Папа и мама не будут недовольны или разочарованы, не будут ее ругать.

Так к занятиям с Роном присоединились Брин и Тия—и это оказалось очень кстати. Девочки восприняли свою задачу с энтузиазмом, а Рон реагировал на них особенно живо, словно понимал, что перед ним—дети, существа, более близкие ему по духу, чем взрослые. Игры с братом оказались очень полезны и для самих девочек: учась любить и понимать человека, столь не похожего на них, они обращали внимание на то, чего раньше не замечали, чувствовали глубже и тоньше, становились взрослее и мудрее с каждым днем.

РОН ПРОДВИГАЕТСЯ ВПЕРЕД

На пятой неделе от начала программы Рон прошел очередное психиатрическое обследование. Врач заявил, что не видит в его состоянии «существенных» изменений; однако сами родители ясно видели, что за прошедший месяц их сын очень изменился. Прежде он не замечал окружающих людей—теперь начал смотреть на них и даже иногда искать контакт с ними по собственному желанию; прежде казался глухим—теперь начал откликаться на зов; прежде был отшельником, погруженным в собственный внутренний мир,—теперь все чаще и чаще выходил из-за невидимых стен своего укрытия. Конечно, со стороны изменения выглядели микроскопическими: но нельзя забывать, что действия, совершенно обычные для других детей, для Рона требовали поистине героических усилий.

Когда Кауфманы рассказали врачу о своей программе и о своих усилиях в помощи Рону, тот пожелал им удачи, однако высказал сильное сомнение в успехе их предприятия. Особенно неприятно удивило его то, что Барри и Самария подражают Рону в его «неправильном» поведении—например, если во время еды он начинает раскачиваться или пинать стол, весело присоединяются к нему. Большинство специалистов придерживаются мнения, что от «неправильного» поведения ребенка необходимо отучать, в том числе и самыми жесткими и даже жестокими методами.

Но Кауфманы полагали, что подражание—это единственный способ добиться прочной связи с ребенком. К обычным детям способность подражать взрослым при-

ходит сама собой еще во младенчестве; Рон был этой способности лишен, и подражание представляло для него серьезнейшую проблему. Даже для того, чтобы просто наблюдать за взрослым в течение нескольких минут, ему требовалась глубокая сосредоточенность и напряжение воли. Родители подражали его действиям, чтобы облегчить ему задачу,—и его внимательный взгляд и широкая улыбка, говорящие о том, что он замечает их действия и получает от них удовольствие, служили им лучшей наградой.

Вскоре они заметили и еще одну закономерность. Хотя Рон, казалось, совершенно не понимал языка жестов и мимики, у него обнаружилась удивительная, сходная с телепатией, чувствительность к эмоциям окружающих. На искреннюю любовь и радость он отвечал тем же: но, если отец или мать были чем-то огорчены или раздражены, если принуждали себя общаться с Роном, не получая от этого удовольствия,— он «уходил» от них и замыкался в себе. Среди друзей, приходящих к ним в гости, он так же безошибочно отличал тех, кто чувствовал к нему искреннюю симпатию, от тех, кто видел в нем «ненормального», кого смущало, раздражало или пугало его странное поведение. Так родители Рона получили еще один важный урок: чтобы помочь ребенку, они должны *не казаться, а быть* спокойными, счастливыми и любящими.

На восьмой неделе занятий произошел прорыв. Барри Кауфман был на работе, вел переговоры с клиентом, когда у него на столе зазвонил телефон.

— Барри!—в восторге, плача и смеясь, кричала

в трубку его жена.—Ты представляешь, он попросил сока! Рон попросил сока!

Случилось это так. Рон подошел к холодильнику, где, как он к этому времени уже знал, хранился его любимый апельсиновый сок, и начал плакать. «Чего ты хочешь?—спросила Самария.—Сока?» Вместо ответа он заревел еще громче.

Разумеется, Самария не стала бранить сына или требовать, чтобы он «попросил, как положено». Она немедленно налила ему сока, а пока он пил, хлопала в ладоши, смеялась и хвалила его. По щекам ее текли слезы счастья. Впервые в жизни ее сын по-настоящему попросил того, чего ему хотелось!

В том, что это не случайность, она убедилась в тот же день. Два часа спустя Рон подошел к двери в детскую и заплакал—но, как только ему открыли дверь, тут же перестал плакать и вошел. А позже в тот же день таким же способом сообщил о своем желании погулять во дворе.

Так Рон перешел к активной доречевой коммуникации. Теперь он не только четко осознавал, чего хочет, но и предпринимал активные действия, чтобы сообщить о своем желании окружающим и тем достичь своей цели. Какой прорыв для аутичного ребенка!

А несколько дней спустя он заговорил—начал повторять слова, которые слышал от родителей. Правда, пока его речь была лишена смысла. Как многие аутичные дети, Рон проявил склонность к *эхолалии*: он мог часами повторять одно и то же слово в том же тоне и с тем же выговором, как слышал от родных, словно пробуя его на вкус и проверяя, как оно звучит; однако, кажется, совершенно не связывал слова с конкретными предметами и

действиями. В сущности, он повторял за взрослыми, как попугай. Однако даже такое бессмысленное повторение было огромным шагом вперед: это означало, что Рон, во-первых, научился подражать другим, а во-вторых, способен запоминать слова и удерживать их в памяти.

Это был огромный прогресс, и Кауфманы не сомневались, что их сын стоит на пороге великих свершений.

С начала своих занятий с сыном Барри и Самария вели записи, но два месяца спустя они решили превратить эти записи в формальный рабочий дневник. Вот как выглядела первая запись в их дневнике:

8 неделя

Рон Кауфман, 1 год 7 месяцев

Время: 85 часов в неделю

Исходная точка: Рон два месяца назад.

- Никаких контактов и взаимодействия с окружающими. Избегает зрительного контакта. Неодушевленные предметы интересуют больше, чем люди. Нет речи и жестов (в том числе предвосхищающих). На руках пассивен. Улыбается только самому себе. Постоянно занят аутостимуляцией: качается, кружится, разглядывает свои руки, совершает однообразные движения пальцами около губ. Странные движения руками. Отстраняется при любых попытках физического контакта. Не выражает своих желаний. Часто производит впечатление слепого и глухого. Подолгу смотрит в пространство прямо перед собой. Демонстрирует выраженное и постоянное стремление к одиночеству. Не играет с предметами

(кроме верчения тарелок), предметы, которые дают ему в руки, бросает.

Текущая ситуация

Изменения (включая эту неделю).

- Раскачивается гораздо меньше, в основном в кровати.
- Во время некоторых игр устанавливает прочный зрительный контакт.
- Увеличилась выразительность мимики.
- По-разному воспринимает знакомых и незнакомых людей.
- Узнает свое имя, обращает внимание на зов, хотя и не всегда откликается.
- Реже шевелит пальцами перед лицом.
- Почти перестал избегать физического контакта с матерью.
- Впервые демонстрирует активные попытки наладить контакт с окружающими—выражает свои желания плачем.
- Повторяет слова (эхолалия).
- Узнает некоторые слова: *машина, чашка, бутылка, иди, наверх, вода.*
- В первый раз выразил сильные чувства (видимо, гнев), когда у него попытались забрать игрушку, с которой он не хотел расставаться.
- В первый раз протянул руки навстречу взрослому, когда тот хотел взять его на руки.
- Начал пить из стакана (когда взрослый придерживает стакан).
- Дважды начинал плакать, когда игравший с ним человек выходил из комнаты.

- Иногда ходит следом за людьми.
- Начал есть самостоятельно (руками).

Нет изменений

- По-прежнему предпочитает обществу людей игры с неодушевленными предметами.
- По-прежнему вертится на месте и вертит разные предметы (но реагирует положительно, когда другие вертят предметы вместе с ним).
- В большинстве случаев по-прежнему сопротивляется физическому контакту.
- По-прежнему часто бросает вещи.
- Не использует для коммуникации речь и жесты (хотя уже начал использовать плач).
- Не сообщает о своем желании поест или встать из кровати.

Общие замечания

- Затруднения с твердой пищей: глотает с трудом, давится.
- Предпочитает твердой пище питье. Вода, молоко и соки действуют на него явно благотворно, как будто освежают и придают сил.
- Абсолютно все тащит в рот.
- Часто реагирует на знакомые слова и предметы так, словно никогда раньше их не видел,—не удерживает в памяти.

Каждую неделю Кауфманы подводили итоги и намечали план действий на следующую неделю; кроме того, каждый вечер они обсуждали события прошедшего дня и намечали планы на следующий день.

Как ни счастлива была Самария проводить время с

сыном, как ни гордилась его успехами, долго выдержать такое напряжение было невозможно. Скоро признаки переутомления стали заметны не только ей самой, но и окружающим. Работающий муж и маленькие дочери не могли оказать ей существенную помощь. Что же делать?

Барри предложил выход. Что, если нанять Рону одного-двух «педагогов», которые могли бы подменять мать? Разумеется, речь идет не о профессионалах — отношение профессионалов к аутичным детям было Кауфманам слишком хорошо известно. Нет, молодые люди, живые, открытые и не закаменевшие в догматах и предвзвесах, возможно, старшеклассники или студенты... Пожалуй, и для самого Рона будет полезно завести новых друзей.

Самария согласилась с мужем. Первой их добровольной помощницей стала 17-летняя Нэнси: она уже некоторое время проработала у Кауфманов няней и в сущности стала членом их семьи. Узнав об их решении, она сразу предложила свои услуги. Вторым «педагогом» стала Мэйра, студентка, изучающая педагогику и психологию.

Разумеется, добровольные помощницы прошли своеобразный «курс обучения». Кауфманы подробно изложили им свой взгляд на аутизм и основные принципы своей программы, объяснили, к чему стремятся и каким путем пытаются этого достичь, убедили, что не собираются оценивать их «профпригодность» в зависимости от успехов Рона. Перед тем, как приступить к делу, «педагоги» несколько дней наблюдали, как общается с Роном Самария, учились читать язык его тела, узнавали, как

реагировать на те или иные его действия, на что следует обращать особое внимание, тренировались постоянно наблюдать за ним, чтобы в любую минуту быть готовыми ответить на его попытку коммуникации. Затем их «знакомили» с Роном—примерно так же, как два месяца назад «заново знакомилась» с ним сама Самария: сперва они неподвижно сидели с ним рядом, чтобы он привык к их присутствию, потом подражали его действиям и лишь несколько дней спустя, когда он начал чувствовать себя в их присутствии спокойно и свободно, переходили к более активному взаимодействию.

Теперь Самария занималась с Роном около 45 часов в неделю, а на каждую из ее помощниц приходилось по 20 часов.

Помощь «педагогов» была неоценима. Теперь Барри и Самария могли не только больше отдыхать и больше времени проводить с дочерьми, но и читать специальную литературу и искать новые идеи. Их занятия с сыном становились все более активными, разнообразными и творческими: теперь в них участвовали глина, пластилин и краски для рисования пальцами.

С каждым днем Рон продвигался вперед.

РОН ДЕЛАЕТ ВЫБОР

Рон делал несомненные успехи: однако сохраняющаяся склонность к аутистимуляции и резко сниженная способность к сохранению сведений в памяти указывали, что до «выздоровления» ему еще далеко. У отца мальчика создавалось впечатление, что его проблемы носят физиологический характер. Очевидно, какие-то повреждения в нейронных связях не позволяют функционировать тем участкам его мозга, которые отвечают за правильное восприятие окружающего мира и за обработку и хранение информации. Исправить нарушенные или разорванные связи в мозге ребенка не смогут даже самые преданные педагоги, но, возможно, это сможет сделать он сам?

Барри Кауфман не раз читал о людях, которые, пережив тяжелейший инсульт или ранение в голову, обрекающие их на инвалидность, впоследствии возвращались к нормальной жизни. Поврежденные участки их мозга, отвечающие за тот или иной вид деятельности, не исцелялись—но их функции брали на себя другие участки, прежде бездействовавшие. В то же время многие другие больные, оказавшись в такой же ситуации, оставались инвалидами до конца своих дней. В чем же разница? В силе желания выздороветь—полагает большинство врачей. Известно, что никакие, даже самые сложные, операции и медицинские процедуры не могут сделать человека здоровым, если сам он не хочет излечиться.

У Рона был шанс. Но, чтобы им воспользоваться, он должен был сделать выбор. Он должен был пожелать исцелиться—пожелать всем сердцем и душой.

Важным этапом для Рона стало узнавание себя в зеркале. В его спальне стояло зеркало в человеческий рост; Рон много раз проходил мимо него, но как будто не замечал. Но однажды перед сном, играя у себя в комнате на глазах у родителей, он вдруг повернулся к зеркалу—и остановился перед ним, словно замороженный. Шагнул к нему, отступил назад, попробовал сдвинуться влево и вправо. Вышел из поля зрения—и вернулся. Отражение в зеркале повторяло все его движения. Рон подошел к зеркалу вплотную и прижался к нему носом—отражение сделало так же. Рон покачал головой—и отражение покачало в ответ.

Глаза мальчика засияли, он испустил неслыханный ранее вопль самозабвенного восторга. Смеясь и прыгая от счастья, он начал играть со своим отражением так активно и радостно, как еще никогда ни с кем не играл. Он размахивал руками, крутил головой, высовывал язык—и «новый друг» повторял все его движения. Затем Рон начал изучать свое тело так, словно оно открылось ему с совершенно новой стороны. Он притрагивался к своей голове, плечам, животу, ногам—и смотрел, как эти части выглядят в зеркале. Он задрал верх пижамки, чтобы взглянуть на свою грудь и живот. Двадцать минут Рон не отходил от зеркала, увлеченно переживая первую встречу с самим собой. Родители смотрели на него с радостью и гордостью, понимая, что именно их неустанные труды подготовили его к этой встрече и сделали возможным это переживание.

Программа *Son-Rise* продолжалась. Каждую свободную минуту Самария, Барри, их дочери и их доб-

ровольные помощницы использовали для того, чтобы установить с Роном контакт и «бомбардировать» его сенсорными стимулами. После случая с узнаванием себя в зеркале они заметили, что поведение Рона во время игр и занятий изменилось: движения его стали более энергичными, в них появилась сила и целенаправленность, которой не было раньше. Улучшилась и крупная, и мелкая моторика, как будто знакомство с самим собой, осознание своего тела повлияло на физическое развитие Рона, и не только на физическое: с каждым днем он все активнее и охотнее взаимодействовал с окружающими.

Кауфманы составили для сына расписание, которого старались, по возможности, придерживаться каждый день. Вот как оно выглядело.

Расписание дня Рона

- 8:30. Рон уже довольно давно проснулся и лежит в кровати. К этому времени он обычно уже выбрасывает из кровати все свои игрушки. Мама извлекает его из кровати, умывает и одевает. На первый этаж он спускается самостоятельно, сползая с каждой ступеньки на животе, ногами вперед. Завтракает Рон на кухне или в ванной. Во время завтрака мать постоянно разговаривает с ним, называет предметы и действия. Иногда она включает магнитофон и дает Рону послушать музыку.
- 9:15. Начало занятий. Рон и Самария идут в ванную комнату, которая к этому времени уже полна игрушек и разного рода обучающих материалов. Мать и сын играют в самые разнообразные игры; за успешное выполнение заданий Самария возна-

граждает Рона улыбкой, похвалой, поглаживанием по голове и иногда—любимыми лакомствами. В ванной хранится коробка с отверстиями, четыре-пять простых деревянных пазлов с изображениями животных (показывая Рону животных, Самария называет их и подражает их голосам), грузовичок с семью разными прицепами, набор игрушечных инструментов, детские музыкальные инструменты (дудка, бубен, барабан), кубики для строительства, пирамиды, глина, пластилин, карандаши, цветные мелки. На стенах—фотографии членов семьи, животных и предметов (дом, дерево, стол, шкаф и т.п.). Самария и Рон делают «зарядку» под музыку: она показывает сыну различные движения и побуждает его двигать руками, ногами и всем телом как в ритме музыки, так и в том темпе, который ему нравится. Сама она также импровизирует под музыку своеобразные «танцы». Они играют в игры, связанные с узнаванием и названием частей тела: эти игры помогают развивать язык жестов (указывание) и стимулируют ребенка говорить. В перерывах Самария гладит, массирует и щекочет различные части тела Рона, при этом называя их. Ванна и раковина используются для игр с водой. Есть здесь и книги, представляющие собой многофункциональный стимуляционный ресурс: можно переворачивать страницы, рассматривать картинки, читать слова, узнавать изображенные на картинках предметы, объяснять действия персонажей. Дополнительные возможности предоставляют детские книжки-раскладушки с объемными иллюстрациями, а так-

же книжки с «запахом» («Потри и узнай, чем это пахнет»).

- 10:30. Перерыв. Можно погулять на заднем дворе, поиграть с другими игрушками или перекусить. (Вскоре Кауфманы заметили, что эти перерывы отвлекают Рона и рассеивают его внимание, и от них отказались).
- 11:00. Возвращение в ванную и продолжение занятий.
- 12:00. Окончание утренних занятий. Теперь можно покататься на машине или на заднем сиденье папиного велосипеда, сходить на прогулку в парк, в магазин или в гости к друзьям. (Впоследствии Кауфманы почти отказались от этих мероприятий, заметив, что обилие новых стимулов пугает Рона и сбивает его с толку).
- 13:00. Дневной сон.
- 14:00. Обед.
- 14:30. Дневные занятия в ванной.
- 15:30. Окончание дневных занятий. Прогулка, другие виды активности, игры и занятия с Брин и Тией.
- 16:00. «Вахту» в ванной принимают добровольные помощницы—Нэнси или Мэйра.
- 17:30. Рон в кругу членов семьи. Совместные игры (прежде всего—основанные на подражании), пение, танцы, физическая стимуляция.
- 18:30. Ужин со всей семьей. Во время ужина—установление и поддержание зрительного контакта, совместная игра в подражание с Роном в роли ведущего.
- 19:00. Дополнительные занятия в детской.
- 20:00. Окончание занятий, подготовка ко сну.
- 20:30. Рон ложится спать.

Серьезной проблемой стало неумение Рона жевать. Родители не придавали особого значения тому, что он ест только детское питание и другую жидкую или полужидкую пищу, пока однажды не произошел случай, едва не окончившийся трагедией. Рон любил совать в рот самые разные предметы; однажды он схватил со стола пригоршню картофельных чипсов, засунул в рот и часть из них, не прожевав, проглотил. Чипсы застряли у него в дыхательном горле. Рон закашлялся, лицо его посинело. Отец начал хлопать его по спине, но это не помогало. Если бы не сообразительность и слаженные действия обоих родителей (Самария схватила сына и перевернула его вниз головой, а Барри сильно надавил ему на верхнюю часть живота, под ребрами, так что чипсы выскочили наружу), исход мог бы быть ужасным.

После этого случая Кауфманы поняли, что жизненно важно научить сына жевать. Сначала родители показывали ему, как это делается, на собственном примере. Во время еды, установив с ним прочный зрительный контакт, они набирали на ложку еду, отправляли ее в рот и принимались медленно и демонстративно жевать, тщательно работая челюстями и все это время не сводя с него глаз. После нескольких демонстраций Самария во время ужина вложила сыну в рот ложку достаточно мягкой, однако не жидкой пищи. Рон некоторое время подержал ее во рту, не зная, что с ней делать, и выплюнул. Но Кауфманы не бросали своих усилий. Теперь, вложив пищу ребенку в рот, Самария осторожно массировала его челюсть, открывала и закрывала его рот, одновременно мягко объясняя ему, что он должен делать, а сидящий напротив отец в это время смотрел Рону в глаза

и театрально двигал челюстями, показывая ребенку, что от него требуется. Это упражнение родители, меняясь местами, повторяли при каждом приеме пищи. Вскоре они почувствовали, что челюстные мышцы Рона начинают двигаться самостоятельно, а через две недели—и, соответственно, 42 приема пищи—он начал жевать сам!

Вот что записали Кауфманы в своем рабочем дневнике через девять недель после начала занятий:

9 неделя

Расписание: то же

Активных педагогов: трое

Изменения

- Прочный и продолжительный зрительный контакт.
- Более внимателен к близким. На протяжении некоторого времени проявляет интерес к незнакомым людям.
- На этой неделе—ни одного случая стереотипного шевеления пальцами и рассматривания своих рук.
- Ура! Для выражения своих желаний берет взрослого за руку и тащит к желаемому предмету.
- Выполняет словесные просьбы: *иди сюда, дай руку, положи, подожди, возьми, ешь, сядь.*
- Сам предлагает другим поиграть с ним—приносит тарелку для верчения.
- Более активный интерес к игре в прятки и обучающим играм.
- Развивается чувство собственности: кричит и плачет, если у него пытаются забрать игрушку, с которой он в данный момент играет.

- Начал самостоятельно держать чашку и стакан—но пока очень неуверенно.
- Ходит следом за людьми, особенно когда они идут в ванную (кажется, полюбил ванную).
- Начал уверенно жевать твердую пищу.
- Много и с удовольствием играет со своим отражением в зеркале. С интересом рассматривает отражения других людей.
- Начал вступать в физический контакт с людьми по своему желанию, иногда—с явным удовольствием.
- Увидев рядом незнакомца, бежит к матери или к педагогам.
- Начинает жестикулировать—указывает на то, что ему нужно.
- Реагирует на более сложные предложения: «Рон хочет пить», «Подожди минуту», «Рон, стой спокойно» (когда его одевают).

Нет изменений

- В свободное от занятий время по-прежнему предпочитает общество неодушевленных предметов.
- По-прежнему глубоко увлечен вращающимися предметами.
- По-прежнему никак не выражает желания покинуть кроватку по утрам и после дневного сна.
- По-прежнему не использует для коммуникации речь.
- Бросает всё, что берет в руки.

Общие замечания

- Замечено, что лучше реагирует на стимуляцию в ванной комнате, в машине и в других помещениях, где мало посторонних раздражителей.

- Подражает некоторым нашим звукам и действиям (издает различные звуки, качает головой, прыгает, ползает, бегают, бьет в бубен, дует и т.п.).
- Во взаимодействии проявляет все больше активности: все чаще общение происходит по его инициативе и под его контролем.
- Узнает шум мотора машины и дверной звонок, бежит на эти звуки.
- При волнении хватается себя за щеку.
- Улыбается по-особому: поворачивая голову и глядя вбок.
- Явно расстраивается, когда сестры плачут, пытается их утешить: подходит к ним, улыбается, иногда даже прикасается.

Как ни велики были успехи Рона, Барри Кауфмана очень огорчало, что он по-прежнему не способен удерживать в памяти поступающую информацию. Ярче всего это проявлялось в неумении играть в прятки. Рон не понимал того, что, как правило, понимает уже 8—9-месячный малыш, — что спрятанный предмет не исчезает, он остается где-то рядом, его просто нужно найти. Каждый день Барри проводил с Роном своеобразную проверку: показывал ему печенье, а затем медленно, демонстративно прикрывал его листом бумаги. Увы, Рон никак не мог понять, куда пропадает печенье, — он в растерянности смотрел на бумагу, не пытаясь ее поднять или перевернуть.

Постепенно этот «экзамен» превратился в ежедневную игру. Разумеется, Барри был огорчен тем, что его сын, возможно, никогда не научится сохранять посту-

пающую информацию в памяти: однако он никогда не выражал нетерпения или недовольства и не делал из этого трагедии, твердо зная, что будет любить своего сына, каким бы он ни был.

И однажды—на одиннадцатой неделе от начала занятий—его терпение и упорство было вознаграждено. Все произошло внезапно. Еще вчера Рон, как обычно, разглядывал газетный лист, явно не понимая, что под ним спрятано печенье, — а сегодня спокойно перевернул его, достал печенье и тут же его съел. Может быть, это случайность? Но нет, то же самое он повторил еще и еще раз.

Третий месяц занятий был отмечен и другими крупными достижениями. Рон в первый раз совершенно самостоятельно собрал пазл (до тех пор мать подавала ему детали пазла одну за другой); в первый раз попытался самостоятельно надеть ботинки, причем проявил редкостное упорство—сделал около двадцати попыток; в первый раз помахал отцу рукой в знак приветствия, когда тот вернулся с работы; в первый раз испугался незнакомого человека—и, испугавшись, в первый раз в жизни бросился за защитой и утешением к матери.

Но особенно поразило и тронуло родителей происшествие на детской площадке.

Во время одной из прогулок по парку, оказавшись на детской площадке, Рон начал внимательно рассматривать играющих детей. Прежде во время прогулок он как будто не замечал посторонних—теперь же стало ясно, что их присутствие и их действия получили для него смысл и значение. Но это было только начало: набравшись храбрости, Рон подошел к группе детей, играющих

в песочнице. Кто-то из малышей протянул ему совок. Рон испуганно попятился, однако продолжал, как замороженный, следить за детьми. Чуть позже он решился подойти к совсем маленькому мальчику, одиноко стоящему у качелей, несколько секунд вглядывался в его лицо, а потом вдруг крепко обнял его—так, как его самого обнимала мать. Малыш испугался от неожиданности и заплакал. На лице Рона, словно в зеркале, отразились те же чувства—он тоже сморщил нос и скривил рот, словно готовясь зареветь. Затем протянул руку и осторожно погладил незнакомого малыша по щеке. Тот улыбнулся сквозь слезы—и Рон радостно заулыбался в ответ.

Так у Рона появился первый друг.

ОВЛАДЕНИЕ РЕЧЬЮ

На одиннадцатой неделе от начала занятий достижения Рона выглядели так:

11 неделя

Расписание: то же, занятия в ванной

Наблюдения

- Активно выражает эмоции, особенно когда у него пытаются что-либо забрать.
- Сам инициирует физический контакт: берет человека за руку и тянет к двери, если хочет, чтобы ему открыли дверь, и т.п.
- По своему желанию играет в догонялки и в прятки.
- Внимательно и с удовольствием наблюдает за другими детьми, подражает их действиям: смеется, когда они смеются, плачет, когда они плачут.
- Пытается самостоятельно забраться на детский стульчик.
- По собственной инициативе танцует под музыку.
- Улучшилось понимание чужой речи.
- Речь по-прежнему эхололичная, однако начал быстрее повторять чужие слова и отвечать на вербальную стимуляцию.
- Потерял интерес к некоторым видам игр—катанию мяча, строительству из кубиков.
- Охотно играет с пазлами, собирает их правильно, однако проявляет непонятный интерес к обратной, не раскрашенной стороне деталей.
- Сам пьет из стакана, уверенно жует твердую пищу, за столом чаще ест сам.

- Научился «дразнить» нас, используя для этого предметы, которые ему запрещают трогать. Например, не подходит к буфету, пока нас нет в комнате, но, стоит кому-то из нас появиться, делает вид, что хочет открыть буфет (ура, появились сложные игры!)
- Радуетя приходу отца, матери, других членов семьи, педагогов.
- По-прежнему отталкивает людей, стремящихся проявить нежность, — кроме матери, физические контакты с которой становятся все продолжительнее.
- Держит в руке расческу и по нашей просьбе пытается причесаться.

Без изменений

- В свободное от занятий время по-прежнему предпочитает уединение и игры с неодушевленными предметами.
- Вертится на месте и вертит предметы, хотя и не так часто, как раньше.
- Не сообщает о своем желании есть или встать из кровати.
- Не использует для коммуникации речь.
- Постоянно бросает вещи, особенно когда его оставляют одного — даже на несколько минут.

Как видим, из записи в запись повторяется один и тот же тревожный мотив: хотя Рон начал понимать чужую речь и сам активно произносит различные слова, он не пользуется речью для общения с окружающими. Слова не имеют для него значения, остаются набором звуков, которые он повторяет бессмысленно, как попугай.

Кауфманы понимали, что неспособность говорить

у аутичного ребенка имеет серьезнейшие последствия, далеко выходящие за пределы обычной немоты. Ведь язык представляет собой не только средство связи: это логическая система, с помощью которой мы познаем окружающий мир. За каждым словом, обозначающим какой-либо предмет (например, «стул»), стоит множество предметов, самых различных по размеру, цвету, форме и т.п.; за каждым словом, обозначающим какое-либо действие (например, «есть») — множество действий, совершаемых в разное время и при различных обстоятельствах. Так, овладевая языком, ребенок одновременно овладевает и абстрактным мышлением: речь помогает ему сортировать и каталогизировать поступающую в мозг информацию. Разум аутичного человека, не владеющего речью, напоминает библиотеку без каталога: в ней хранится множество разнообразных познаний и сведений, однако найти среди них то, что нужно в данный момент, чрезвычайно сложно, если вообще возможно.

Ясно, что на развитие речи Рона следовало обратить первостепенное внимание. К сожалению, речевые терапевты и другие специалисты по развитию речи, к которым обращались Кауфманы, не смогли им помочь. Причины все те же: «профессионалы не работают с детьми столь раннего возраста», «все существующие программы рассчитаны на возраст от трех лет», «шансы научить говорить ребенка с тяжелым аутистическим синдромом минимальны», и вообще, как прямо заявил им один специалист: «Зачем пытаться его чему-то учить, если он все равно останется неполноценным? Пусть научится сам умываться и в туалет ходить — и хватит с него!»

Разумеется, Барри и Самария не могли смириться

с подобным подходом. Визиты к врачам и консультации со специалистами лишь убедили их в том, что они должны рассчитывать только на свои силы. Если их сыну можно помочь—ему помогут не какие-то волшебники-врачи или чудесные методики, а только они сами.

Метод Кауфманов основывался, как и всё, что они делали, на здравом смысле. Прежде всего, они снова чрезвычайно сократили и упростили словарь и синтаксис, используемый для общения с Роном. Их фразы состояли из одного-двух слов, слова употреблялись в самых простых формах. Барри и Самария старались избегать длинных и сложных в произнесении слов. Некоторые наиболее часто употребляемые слова они сократили до одного слога и даже до одного-двух звуков: например, *ВА* (вода), *БУ* (бутылка), *СО* (сок).

Кауфманы старались говорить с Роном как можно чаще, почти непрерывно: снова и снова они повторяли одни и те же слова, указывая на соответствующие предметы. Они обращались к нему с просьбами, играли в игры, в которых требовалось выполнять словесные команды, надеясь, что это поможет ему научиться не только воспринимать, но и осмысленно воспроизводить речь окружающих. Но все это не давало эффекта.

Тогда родители пошли на более жесткие меры. Уже несколько недель назад Рон научился криком и плачем сообщать о своих желаниях. К двенадцатой неделе занятий он хорошо освоил это умение и уверенно пользовался им в самых различных ситуациях. Пора было переходить к более зрелому способу взаимодействия. Теперь, когда Рон, например, подходил к холодильнику и начинал кричать, родители не спешили, как прежде,

удовлетворить его желание. Вместо этого они спрашивали: «Чего ты хочешь? Скажи». Разыгрывая непонимание, они вопросительно указывали на любые предметы в комнате, называли любые действия, кроме того, чего хотел от них ребенок. Важно было показать Рону, что родители не перестали любить его таким, какой он есть: они не выполняют его просьбы не потому, что не хотят, не потому, что сердятся на него или требуют от него каких-то жертв, а просто потому, что общаться без слов невозможно. Только словами он сможет объяснить свои желания, только с помощью слов добьется своей цели. Кауфманы чувствовали: если Рон это поймет, он захочет заговорить—и заговорит.

Этот метод требовал от отца и матери твердости и большой выдержки. Однажды Рон подошел к отцу и начал, по своему обыкновению, тянуть его за руку, чтобы тот что-то для него сделал. «Чего ты хочешь?»—спросил Барри. Рон продолжал тянуть его все настойчивее, затем заплакал. Его плач становился все отчаяннее и наконец перешел в настоящую истерику. Барри прижал сына к себе и погладил по голове. Тот успокоился, в последний раз всхлипнул, улыбнулся отцу... и снова начал тянуть его за рукав!

У Барри разрывалось сердце. Однако он чувствовал: если он сейчас уступит—это станет поражением для них обоих. «Скажи, чего ты хочешь,—спокойно и ласково, но твердо повторил он.—Я тебя не понимаю. Я не могу тебе помочь. Скажи—и я тебе помогу».

Рон ревел, затем снова успокаивался, снова пытался заставить отца пойти за ним... за полчаса все это повторилось не меньше пяти раз. Наконец, утомив-

шись от слез и крика, малыш заснул прямо на месте, свернувшись клубочком на ковре.

Барри чувствовал, что по щекам его текут слезы. Он пережил одно из самых тяжелых испытаний, какие только существуют на свете: видеть, как мучается самый дорогой для тебя человек, знать, что ты можешь прекратить его мучения,— но в то же время ясно понимать, что этого делать нельзя. Чтобы сломать невидимые стены, отгораживающие его от мира, Рон должен был пройти через это испытание.

На тринадцатой неделе успехи Рона выглядели так:

13 неделя

Расписание: то же

Наблюдения

- Больше общается с родными и друзьями семьи.
- Для коммуникации по-прежнему использует крик и плач.
- Часто берет человека за руку, тащит за собой и показывает, что ему нужно (открыть дверь, дать воды, подняться наверх и т.п.).
- Реже бросает игрушки и чаще с ними играет: катает машинки, трясет погремушки и т.п. Изучает предметы более терпеливо и сосредоточенно.
- Иногда предпочитает играть с неодушевленными предметами общению с людьми. Часто приходит из пустой комнаты в комнату, где есть люди.
- Гораздо чаще повторяет слова, хотя по-прежнему не использует речь целенаправленно. Повышается понимание речи. Понимает слова: *вниз*, *ВА (вода)*,

мама, папа, нельзя, нет, еще, МУ (корова), БУ (бутылка), иди сюда, Брин, Тиа, Нэнси, Мэйра, собачка, нос, голова, ухо, глаз, наверх, подгузник.

- В первый раз попросил (криком) есть.
- Указывает на то, чего хочет, протягивая в эту сторону руку взрослого.
- Мы запираем ящики буфета, чтобы Рон не залез туда и не поранил себя вилкой или ножом. Когда мы забыли запереть один ящик, Рон привел нас туда и показал, что ящик открыт.

Без изменений

- По-прежнему вертит предметы.
- По-прежнему не проявляет желания вставать из кровати.
- По-прежнему отстраняется при физическом контакте, хотя теперь гораздо меньше, чем раньше.

Вдруг, без предупреждения, Рон прекратил работать во время занятий. Он отказывался участвовать в играх, не собирал пазлы, не перелистывал страницы любимых книжек. Он снова начал бросать всё, что попадало к нему в руки, и плакать без видимых причин. Мало того—Рон перестал обращать внимание на чужую речь и часто поворачивался спиной к родным, когда те к нему обращались. Он демонстративно игнорировал родных, а когда те пытались настоять на контакте, отвечал приступами гневного крика и плача.

Поначалу родители видели в этом краткий приступ дурного настроения или усталости: однако время шло, а поведение Рона не улучшалось. На третье утро они заметили, что Рон начал уклоняться от физического и

зрительного контакта и что к нему до некоторой степени вернулись прежние стереотипии—раскачивание и верчение предметов. Однако он продолжал активно выражать свои желания плачем и дерганьем родителей за руки.

Рон сделался капризен, поведение его стало непредсказуемым. То он отвергал родителей, то начинал играть с ними как ни в чем не бывало.

«Что же с ним происходит? Что он хочет сказать нам своим поведением?»—спрашивали себя Кауфманы. Возможно, так Рон выражал протест против того, что родители требовали от него использования речи; вполне возможно и то, что после трех месяцев постоянных и интенсивных занятий он ощущал переутомление и хотел бы сбавить темп.

Во втором Барри и Самария охотно уступили: они снизили продолжительность занятий с 12 часов в день сначала до 6, а затем—до двух, возместив их сокращенной продолжительностью разнообразием видов деятельности. Чтобы Рон чувствовал себя уверенно, ему давалась широкая возможность самому выбирать игры и занятия по своему вкусу. Они старались обращаться с сыном особенно ласково и предупредительно. Однако в первом вопросе—об использовании речи—родители твердо стояли на своем.

Эта неделя получилась нелегкой. Не получая то, чего хотел, Рон быстро приходил в раздражение и гнев. Он часто и громко плакал; в сущности, плач начал превращаться для него в фиксированный паттерн поведения. Малыш оказался таким же упрямым, как и его родители: он ни за что не желал разговаривать! Но Кауфманы

не уступали сыну, понимая, что лишь настоятельная необходимость заставит его заговорить.

Однажды Рон подошел к раковине и начал плакать. Самария спросила, чего он хочет. Она показывала ему по очереди ложку, вилку, губку и, наконец, пустой стакан. Рон кричал все громче и громче. Наконец она наполнила стакан водой и подала ему со словами: «Вода, Рон. Это ВА. Скажи ВА, Рон. Вот она, ВА».

Позже в тот же день Рон вернулся в ванную и начал все сначала. Самария, как обычно, разыграла недоумение. Рон разрыдался. Он плакал все громче и безутешнее. Самария опустилась рядом с ним на корточки: «Чего ты хочешь, Рон? Ну давай, солнышко, скажи. Чего ты хочешь?»

И вдруг, ужасно выпучив глаза, Рон закричал громко и пронзительно, словно вложив в этот крик всю свою силу: «ВА!!!»

Самария вскочила на ноги, торопливо налила в стакан воды и дрожащими от волнения руками подала ему. Рон удивленно смотрел на мать—кажется, он сам был поражен тем, что у него получилось заговорить. «Да, Рон,—говорила Самария.—Ва. Ты это сделал. Ты заговорил. Наконец-то ты заговорил!»

В том, что это не случайность, мать убедилась в тот же день. Рон в третий раз вошел в ванную, снова начал плакать, стоя у раковины, и, снова убедившись, что таким способом ничего не добьется, через несколько минут громко и отчетливо сказал: «ВА!»

В тот же день он осмысленно произнес еще три слова: *вниз* (когда кончил есть и хотел слезть со своего детского стульчика), *еще* (когда хотел еще сока) и *БУ* (бутылка).

Следующая неделя прошла безоблачно. Правда, Рон пока использовал только эти четыре слова, да и те не каждый раз; однако он по большей части был в прекрасном настроении, с удовольствием общался, занимался много и охотно и делал большие успехи в обучающих играх.

Заметив, что ему стало гораздо легче сосредоточиться, Кауфманы решили перенести занятия из ванной комнаты в более просторное помещение и более «приближенную к реальности» обстановку—в кабинет. Отвлекающих факторов здесь было куда больше—и окна, и картины, и фотографии на стенах, и книги и грампластинки на полках, и ковер на полу. Однако Рон прекрасно справился с новыми впечатлениями: ничто не отвлекало его от занятий.

Программа постепенно переходила во вторую фазу. Сначала Барри и Самария ставили цель перекинуть мост в мир Рона—теперь они хотели, чтобы он вышел по этому мосту в мир людей. До сих пор они предоставляли Рону почти полную свободу выбора занятий—теперь, когда он слышал их и понимал, взяли контроль на себя. Они сами предлагали Рону виды деятельности, просили его сделать то или другое и поощряли его к активным реакциям на их просьбы и предложения.

— Рон, дотронься до носа. А теперь похлопай в ладоши. Молодец! А теперь покажи, где у тебя глаза. Глаза! Да, это глаза. Молодец, правильно! Ладно, а теперь покачай головой. Смотри, как я. Голова. Да, голова. Теперь покачай. Да, молодец! Ты самый лучший мальчик на свете!

Рон с радостью подражал взрослым и выполнял их просьбы. Это стало для него новой и увлекательной иг-

рой. Чем больше и охотнее он подражал, тем легче ему становилось учиться и осваивать новые навыки.

Кроме того, Рон по-настоящему полюбил многие виды физической активности и физического контакта—прыжки, щекотку, подбрасывание в воздух. Заметив это, родители все чаще начали использовать в качестве стимуляции и награды не угощение, а физические игры—и эта тактика себя оправдывала. С каждым днем Рон становился всё живее, активнее и эмоционально отзывчивее.

Правда, временами он все еще предпочитал уединение и стереотипные игры, но это происходило все реже. Родители не мешали ему, понимая, что ему необходим отдых от массы новых впечатлений и переживаний.

На четырнадцатой неделе от начала занятий успехи Рона были таковы:

14 неделя

Наблюдения

- Устойчивый зрительный контакт, удивительно активное физическое взаимодействие с членами семьи.
- Непрерывный контакт от 10 до 15 минут.
- Проявляет больше интереса к игрушкам, которые требуется тянуть или толкать.
- Быстрее и охотнее отвечает на зов и просьбы, внимательнее прислушивается к речи взрослых и лучше ее воспринимает.
- При недоумении или волнении начинает громко лепетать.

Указывает на фотографии, легко узнает и показывает на фотоснимках членов семьи и различные пред-

меты. Начал обращать внимание на картины и фотографии на стенах.

- По-прежнему говорит только те четыре слова, которые начал использовать на прошлой неделе.
- Постоянно напевает необычную мелодию, которую, кажется, придумал сам.

Нет изменений

- Все еще качается, кружится и вертит тарелки.
- Все еще любит уединение. Временами уходит в другую комнату и сидит, глядя в одну точку, словно медитирует; однако, если мы его зовем, всегда откликается и охотно начинает играть с нами.

Примечания

- Проявляет возрастающий интерес к музыке: не только слушает магнитофонные записи, но и под наблюдением матери подходит к фортепьяно и нажимает на клавиши. Также проявляет интерес к барабанам, бубнам и дудке, которые мы используем во время занятий.
- Точно воспроизводит не только наши слова, но и громкость наших голосов.
- Замечено, что часто производит странные движения губами и языком, как будто не вполне их контролирует или не понимает, как правильно их использовать.

РОН ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

С каждым днем Рон проявлял все более живой интерес к занятиям и вел себя все активнее. Видя, что ему намного легче усваивать новую информацию, родители делали более разнообразными игры и интерактивные занятия с ребенком, вводили новые, более сложные виды деятельности.

К занятиям в детской прибавилось регулярное плавание в домашнем бассейне. Это взяла на себя Нэнси: каждый день по 10–15 минут они с Роном купались в мелководной части бассейна, плескались, брызгали друг на друга водой, играли в различные водные игры. Это развлечение не только развивало физическую ловкость мальчика и давало ему новые и стимулирующие тактильные ощущения, но и помогало ему лучше узнать собственное тело. Как правило, маленький ребенок большую часть времени проводит одетым или завернутым в пеленки: у него мало возможностей внимательно изучить физическую сторону своего я. Купания голышом в бассейне помогли Рону укрепить осознание своего «Я»: хотя на вербальном уровне это не проявилось, он стал более ловок физически и более активен в исследовании окружающего мира.

Словарный запас Рона увеличивался очень медленно—но все же увеличивался. После долгих уговоров и поощрений он начал использовать слова *мама*, *папа* и *горячо*. Теперь в его словаре было целых семь слов! Четыре слова, освоенные первыми, Рон повторял все чаще и все увереннее: скоро они стали неотъемлемой частью его поведения.

Однажды утром, встав с кровати, Рон направился прямоком к фортепяно. Он и раньше видел и слышал, как его мать играет на этом инструменте, однако до сих пор не проявлял к нему интереса. Теперь же начал нажимать на клавиши—сначала осторожно, одним пальчиком, потом, осмелев, принялся колотить по клавишам со всей силы. Мать не мешала ему: сидя рядом, она с радостью смотрела, как ее сын осваивает новое занятие. Он почувствовал ее присутствие и обернулся: она улыбнулась и кивнула ему—Рон улыбнулся в ответ.

Прошло полчаса. Рон заметно устал: движения его стали замедленными. Тогда Самария решила вмешаться. Подсев к пианино, она сыграла первые три ноты детской песенки «Три слепые мышки». Рон смотрел на нее, как замороженный. Снова, и снова, и снова Самария повторяла эти три ноты. Затем положила ручку Рона на клавиши. Он не двигался. Самария снова повторила простую мелодию. Немного подумав, Рон сам положил руку на клавиши, точно повторяя ее позицию, и сыграл зачин песенки—те же ноты, теми же пальцами, точно так, как показала ему мать.

С каждым днем Рон узнавал что-то новое. Барри и Самария были счастливы—и не подозревали, что за поворотом их поджидает драматическое испытание.

На шестнадцатой неделе занятий Кауфманы заметили, что Рон начал скучать. Он играл без прежнего энтузиазма, поведение его стало чуть более инфантильным, ежедневные достижения—не столь очевидными.

Очевидно, малыш переутомился,—решили родители и сократили время занятий. Однако это не помогло.

Что-то происходило с их сыном: он все более отдалялся от родных, замыкался, уходил в себя. Даже любимые физические игры его больше не радовали.

Кауфманы не понимали, что происходит с их сыном. Они пересматривали каждую деталь программы, обсуждали все возможные причины ухудшения—и ничего не могли понять.

Тем временем у Рона появились частые вспышки гнева. Во время этих приступов он кидался на мебель и домашнюю обстановку, швырял и опрокидывал всё, что мог. Родители растерялись. Поначалу они пытались не обращать на это внимания, затем в первый раз использовали словесное выражение неодобрения—громкое и суровое: «Нельзя!» Однако это не помогало—лишь раздувало пламя вместо того, чтобы его погасить. По всей видимости, своим поведением Рон стремился привлечь к себе внимание—и достигал этой цели. В конце концов родителям пришлось вынести всю легкую мебель в гараж.

Рон тяжело пережил это лишение. На занятиях он сделался еще более несговорчивым и неуправляемым. Игры, которыми он наслаждался всего неделю назад, теперь не вызывали у него никакого отклика. Кауфманы еще более сократили программу и расширили время, отведенное для игр и занятий вне расписания. «Пусть Рон сам покажет, что ему нужно»,—думали они.

16 неделя

Наблюдения

- Рон замкнут, несговорчив, неуправляем, толкает и опрокидывает мебель.
- Все еще использует очень мало слов: *вода, бутылка,*

вниз, горячо, наружу, мама. Больше не использует слова по нашим просьбам.

- По-прежнему очень увлечен музыкой. Мычит себе под нос, ритмично двигается как по нашим просьбам, так и по собственной инициативе. Десять минут слушал вместе с Самарией Пятый фортепианный концерт Бетховена.
- Демонстративно «плохо себя ведет», смеется при этом.
- Занятия в бассейне остаются продуктивными.
- С легкостью узнает и по нашим просьбам показывает людей и предметы на фотографиях.

Без изменений

- Продолжает качаться и вертеть предметы.
- По-прежнему предпочитает уединение.

С каждым днем поведение Рона становилось все более неуправляемым и невыносимым. Кауфманы сократили занятия до неслыханного ранее времени—3,5 часа в день. Все остальное время они оставались рядом с Роном, но позволяли ему самому выбирать игры и занятия по своему вкусу.

Казалось, это помогло. Настроение Рона начало улучшаться, реже повторялись приступы ярости. Он охотнее и отзывчивее откликался на родительскую заботу. Кауфманы поздравили себя с правильным решением—однако, как вскоре выяснилось, поторопились.

Какая-то туча нависла над мальчиком. Он больше не вопил и не швырял мебель, однако с каждым днем все более отдалялся от родителей и замыкался в себе. Зрительные и слуховые стимулы, прежде вызывавшие

в нем живой интерес, больше его не радовали. Складывая пазл, он теперь по несколько минут замирал в задумчивости над каждой картинкой. Словесные просьбы тоже выполнял не сразу, а с задержкой. Казалось, ему стало труднее сосредоточиться.

Может быть, он болен? Медицинский осмотр не обнаружил ничего, кроме легкой простуды: однако, возможно, для физиологии аутичного ребенка и легкая простуда может стать тяжким бременем.

Состояние Рона все ухудшалось. Он перестал улыбаться, лицо его приобрело прежнее бесстрастно-застывшее выражение. Движения сделались скованными, механическими. Погас свет в глазах. Он перестал откликаться на зов родителей, выполнять их просьбы, смотреть им в лицо. Снова, как пять месяцев назад, он часами неподвижно сидел на полу, уставившись в пустоту, или раскачивался на месте. С ним происходило то, что у медиков называется регрессом.

18 неделя

Расписание: облегченное

Наблюдения

- Усилилась аутоstimуляция—раскачивается, вертится, двигает пальцами.
- Реже пользуется речью, хотя иногда отвечает на словесные просьбы.
- Избегает ласки и других видов физического контакта.
- Гримасничает, шевелит губами, сосет губы, двигает языком взад-вперед.
- Предпочитает играть один.

Нет изменений

- Резко повысился интерес к вращающимся предметам.
- Избегает контактов с людьми.

Трудно описать чувства Барри и Самарии. Их обуревали ужас и отчаяние. С каждым днем Рон уходил от них все дальше, все глубже погружался в трясины пассивности и равнодушия к миру. Неужели все их усилия пошли прахом?

Теперь их занятия вернулись к самой ранней стадии. Мать и сын опять переместились в ванную, откуда были убраны все стимуляторы. Часами они сидели рядом, вместе созерцая лампу на потолке или пятно на стене; часами Самария раскачивалась, кружилась или мычала без слов вместе с сыном, пытаясь хотя бы таким способом удержать с ним контакт и дать ему понять, что любит его, несмотря ни на что.

Эти кошмарные восемь дней стали для Барри и Самарии поистине страшным испытанием. Проверку проходила их любовь к сыну. Смогут ли они выдержать разочарование? Смогут ли любить его по-прежнему, если после всех затраченных ими усилий он останется «типичным аутистом» — пассивным, безразличным, немым, неприспособленным к жизни?

Трудно представить, какие душевные усилия потребовались Кауфманам, чтобы не впасть в отчаяние, не погрузиться в разочарование и уныние, чтобы, не полагаясь на будущее и не проклиная свои разбитые надежды, продолжить жить. Просто любить Рона. Просто быть с ним рядом. Просто принимать таким, какой он есть.

Утром девятого дня Самария склонилась над кроваткой сына, чтобы отвести его завтракать. Малыш встретил ее взгляд ясным, внимательным взглядом. Всю неделю он упорно отказывался смотреть людям в глаза, и этот взгляд наполнил Самарию безумной надеждой. Она погладила его по щеке—он не отодвинулся и не оттолкнул ее. Нежно поцеловала его открытую ладонь—он ухватил ее за нос. Самария рассмеялась и начала щекотать сына—тот ответил счастливым смехом. Смех Самарии перешел в рыдания—и Рон, заметив, что мама плачет, немедленно сморщил личико и приготовился разреветься сам.

Кошмару пришел конец: Рон вернулся из сумеречной страны аутизма к тем, кто любил его и ждал его возвращения.

В тот же день он использовал все известные ему семь слов, а вдобавок к ним—несколько новых. В последующие несколько дней его словарный запас все увеличивался: к нему добавилось множество слов, услышанных им за последние пять месяцев. Когда в конце недели Барри и Самария попытались записать все выученные им слова, оказалось, что его словарный запас расширился с семи слов до семидесяти пяти.

В тот же день—впервые после долгого перерыва—вдоволь наобнимавшись и нацеловавшись с счастливыми отцом и матерью, Рон взял Самарию за руку и сказал: «Пойдем». Куда же он повел мать? В кабинет—продолжать занятия. Подвел ее к шкафу, где хранились пазлы, и жестами и мимикой ясно выразил желание поиграть. Самария достала один пазл: но Рон продолжал жестикулировать, показывая, что хочет увидеть все. Едва она

поставила коробки на пол, как Рон схватил картинку с изображением коровы и радостно закричал: «Му-у! Му-у!» Он как будто спешил показать родителям, что не забыл ничего из того, чему они его учили, и с нетерпением ждет продолжения занятий.

Что же произошло за эти девять дней? Точного ответа на этот вопрос мы, возможно, не получим никогда. Однако Барри и Самария нашли свой ответ. Возможно, сказали они себе, Рону требовалось время, чтобы разобраться в себе и понять, чего он хочет. Он понял, что способен сделать выбор: отказаться от развития и остаться навек в уютной и безопасной колыбели своего аутизма—или довести до конца путешествие в огромный, сложный, порой пугающий, но и невероятно привлекательный мир людей. Чтобы принять решение, ему необходимо было взвесить и отчетливо представить все последствия—вот почему он вернулся в исходное состояние... Проверил себя—и понял, что больше не хочет быть таким, как прежде.

Кто знает, чем бы кончился этот драматический эпизод, если бы родители не поддержали Рона в эти трудные дни? Если бы позволили отчаянию и разочарованию взять верх над любовью к сыну? Но они показали Рону, что их любовь к нему не зависит от его успехов или хорошего поведения, что они будут с ним, что бы он ни делал,—и, быть может, именно маяк их любви осветил ему обратный путь.

ЧУДО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

О том, что происходило с Роном дальше, лучше нас расскажет рабочий дневник Кауфманов:

20 неделя

Расписание: вернулись к прежнему

Замечания

- На этой неделе поведение Рона неустойчиво. В начале недели он проявлял суперготовность к взаимодействию и контакту, в последующие дни часто был рассеян и непредсказуем. Часто демонстрирует раздражение и недовольство. Большие колебания в настроении и поведении.

Наблюдения

- Начал чаще пользоваться речью.
- Занятия приносят ему настоящее наслаждение: он с нетерпением ждет их начала и активно выражает желание заниматься.
- Когда в дом приходят незнакомцы, Рон ведет их в свою «рабочую комнату», показывает свои игрушки и пазлы, приглашает собирать пазлы вместе.
- Продуктивно использует речь: по собственной инициативе выражает словами свои желания и называет предметы. Активный словарь: *волосы, нос, уши, глаза, зубы, шея, плечо, рука, палец, ботинок, нога, голова, пенис, пойдём, да, наружу, нет, ещё, цветок, вода, бутылка, свет, горячо, вверх, вниз, стул, нельзя, подушка, музыка, ковер, мяч, ворона, собака, утка, свинья, овца, коза, корова, курица, лошадь, мальчик, пингвин, олень, кошка, кролик, ослик, те-*

лежка, шкаф, малыш, кукла, барабан, книжка, бочка, рыбка, часы, папа, мама, Тия, Брин, Мэйра, Саша (имя собаки), Нэнси, ладушки, пианино, дверь, живот, хороший, сок, Бонни, стой, банан, иди, наверх.

- Пассивный словарь намного больше.
- Выполняет сложные многословные указания, например такую: «Рон, пожалуйста, возьми мышку и дай мне».
- По собственной инициативе предлагает членам семьи поиграть.
- Проявляет больше интереса к прогулкам.
- Живо интересуется номерами машин, а также буквами и цифрами вообще.
- На этой неделе начал сам есть ложкой.
- По собственной инициативе достает пазлы и с очевидным удовольствием играет с ними.
- Совершенно зачарован музыкой.
- Взбирается на стул и старается запрыгнуть на спину отцу, чтобы покататься у него на плечах.

Примечание

- Часто гримасничает и высовывает язык. Однако, когда его просят убрать язык, всегда выполняет просьбу.

22 неделя

Расписание: то же

Замечания

- Рон работает хорошо, хотя и с «перепадами». Ему уже 1 год и 10 месяцев, и у него появилось новая способность—озорничать. Он постоянно испытывает наш авторитет, бросает вызов нам, сестрам и другим

педагогам. С удовольствием вступает во взаимодействие, но стремится постоянно играть активную роль.

- Очень радуется, когда мы подражаем его движениям, но сам подражает нам только по нашей настойчивой и усиленной просьбе.

Наблюдения

- Появились любимые игры и занятия, которые готов возобновлять снова и снова.
- Поскольку он по-прежнему проявляет интерес к буквам, купили ему магнитную азбуку и начали учить его алфавиту—показали буквы, составляющие его имя.
- Когда мы спрашиваем, кто хочет воды или сока, он отвечает: «Я!»—и стучит по своей груди.
- Научился различать твердое и мягкое, может показать различия.
- Начинает занятия по собственной инициативе (ведет нас в рабочую комнату).
- С легкостью выучивает новые слова, запоминает и использует новую информацию.
- Учится сам раздеваться.
- Начал играть с нашими собаками.
- Охотно и активно играет с Брин и Тией; с Тией—замечательно, совершенно «на равных».

24 неделя

Расписание: то же

Наблюдения

- Легко и охотно присоединяется к играм, которые начинаем мы.
- Быстро и легко сложил четыре новых пазла (из тринадцати элементов).

- Все меньше и меньше гримасничает и высовывает язык.
- Появилась фразовая речь: «Я хочу», «Дай мне».
- Все больше говорит и использует все больше новых слов.
- В парке с большим интересом рассматривает других детей. Шумных и подвижных ребят, кажется, побаивается, но к более спокойным проявляет активный интерес—подбегает, дотрагивается до них, обнимает, ласково щиплет за щеки.
- Учится узнавать цвета: красный, белый, синий, зеленый, желтый, черный, оранжевый, фиолетовый.
- Раскладывает игрушки по цветам.
- Строит из кубиков дома и башни.
- Легко управляется с коробкой с отверстиями (у коробки шесть сторон и около тридцати отверстий разных форм и размеров).
- Машет людям рукой, говорит «Привет» и «Пока».
- Придвинул стул и забрался на него, чтобы достать со стола чашку.

Незадолго до дня рождения Рона—ему исполнилось два года—Барри и Самария, ободренные его успехами, решились на серьезный шаг. Оба они давно уже испытывали переутомление и мечтали об отдыхе: и вот теперь, когда Рон быстро и уверенно продвигался вперед, они решили наконец осуществить свою давнишнюю мечту: забыть обо всех делах и посвятить выходные только друг другу.

Старших девочек забрали на выходные дядя и тетя. Рон остался дома с Нэнси, Мэйрой и еще одной хорошо

знакомой ему женщиной, давним другом семьи, по имени Викки. В пятницу, попрощавшись с детьми, Барри и Самария уехали из города: они должны были провести выходные на берегу моря и вернуться утром в понедельник. Было решено, что люди, присматривающие за Роном, не будут звонить Кауфманам (разве что в исключительном случае), чтобы не беспокоить их понапрасну и дать им отдохнуть.

Это был смелый эксперимент, и Барри и Самария уезжали из дома с некоторым волнением. Никогда еще они не расставались с Роном на целых три дня. Как мальчик перенесет разлуку с родителями?

В понедельник Барри и Самария вернулись домой рано утром и сразу вошли в детскую. Рон уже не спал: увидев их, он вскочил в кроватке, захлопал в ладоши и радостно закричал: «Мама! Папа! Мама, обними меня! Папа, обними!» Начались объятия и поцелуи: малыш был совершенно счастлив. «Он без вас совсем истосковался! — пояснила, войдя в спальню, Викки. — Мы не знали, что с ним делать, — уже собирались вам звонить!»

И она рассказала обо всем, что происходило с Роном в эти три дня.

К вечеру пятницы он сделался рассеянным и задумчивым, время от времени принимался звать папу и маму, ходил по дому и искал их. Педагоги объяснили ему, что папа и мама уехали, но скоро вернуться; Рон слушал их внимательно и, кажется, понимал, но оставался рассеянным и подавленным, занимался и играл «без огонька».

На следующее утро он встал, как обычно, веселый и бодрый, позавтракал, отправился вместе с Викки на

занятия в рабочую комнату—и вдруг остановился как вкопанный посреди лестничной площадки, заметив на стене фотографии отца и матери. Вдруг вспомнив, что их нет рядом, Рон стремглав бросился к фотографиям. «Папа! Мама!»—звал он, вкладывая в этот крик всю силу своего желания, всю тоску разлуки. Но папа и мама не откликнулись. Голос его становился все тише и наконец перешел в шепот. Подняв руку, он начал с удивительной нежностью гладить лица и волосы людей на фотографии. Трудно описать, что выражалось в этот миг на его личике!.. Наконец—целую вечность спустя—с каким-то недетским вздохом он повернулся к Викки и сказал: «Пойдем, Викки. Играть. Хочу играть».

В этот день Рон также был рассеянным и вялым, а ближе к вечеру начал проявлять беспокойство. Он напряженно прислушивался и всякий раз, услышав какой-либо звук из другой комнаты или с улицы, окликал родителей: «Мама? Папа?» А в какой-то момент во время занятий, в очередной раз безрезультатно позвав маму, вслед за тем начал петь—и исполнил подряд все пять или шесть песенок, которые чаще всего пела ему мать.

В его поведении появились черты, никогда прежде не замечавшиеся: он начал активно искать физического контакта, буквально «липнул» к Викки и педагогам, брал их за руки, обнимал за ноги, прижимался к ним всем телом и клал голову им на колени, словно пытаясь в отсутствие матери возместить недостаток материнской ласки. При этом он оставался послушным, сговорчивым, охотно занимался и (что очень важно) не проявлял никаких признаков аутичного поведения.

Но настоящее испытание ждало и Рона, и его наставниц в воскресенье. В этот день он потерял терпение.

Во время утренних занятий Рон снова начал звать маму и, когда Викки в сотый раз повторила ему, что мама скоро вернется, вдруг пришел в ярость. Как бывало и раньше, он начал бросаться на столы и стулья, толкать и опрокидывать их, швырять игрушки и книжки. Особый трагикомический оттенок придавало этой сцене то, что из-за ограниченности словарного запаса Рон не мог как следует выразить свой гнев—поэтому, «наказывая» ни в чем не повинные предметы, громко выкрикивал их названия: «Стол! Стул! Книжка! Кубики!»

Викки застыла в страхе и замешательстве. Ни предыдущие встречи с Роном, ни беседы с его родителями не подготовили ее к такой ситуации. Что делать? Нужно что-то предпринять—и немедленно: но Рон так разбушевался, что вряд ли удастся его утихомирить...

Беспорядочные мысли проносились в голове Викки. Она припоминала долгие разговоры с Барри и Самарией, объяснения их педагогического подхода. Кауфманы никогда не ругают ребенка, не выражают неодобрения и недовольства его действиями—вместо этого они присоединяются к нему, давая ему понять, что остаются «на его стороне» и продолжают его любить, несмотря ни на что...

Решение—безумное, но, возможно, единственно верное—пришло мгновенно. Рон испытывает гнев и ярость, у него есть на это серьезная причина,—Вики не может ни успокоить его, ни дать ему то, что он хочет,—значит, должна показать на деле, что понимает и разделяет его чувства. И вот крупная, рослая женщина тридцати с

лишним лет начинает яростно пинать и переворачивать стулья вместе с маленьким мальчиком!

Рон заметил и оценил порыв Викки. Время от времени, отвлекаясь от своего разрушительного буйства, он подбегал к ней, обнимал ее за ногу—и снова возвращался к прерванному занятию. Два часа спустя, совершенно измученный, он подошел к ней, положил голову ей на колени. Викки погладила его по голове и спросила, не хочет ли он еще позаниматься. Рон взял ее за руку и ответил: «Пойдем».

В этот вечер его долго не удавалось уложить спать. Рон горько рыдал и не хотел отпускать свою няню Нэнси, словно боялся, что и она исчезнет, как родители. Наконец он утомился и уснул, положив голову ей на колени...

Кауфманы выслушали рассказ педагогов с волнением, но и с радостью. Они не жалели, что подвергли сына такому испытанию,—ведь разлука с родителями не только принесла ему нелегкие переживания, но и стала важным шагом вперед. Вопреки всем утверждениям специалистов по аутизму, вопреки даже собственному недавнему прошлому, Рон сделал то, чего от него никто не ожидал. Оказавшись в стрессовой ситуации, он обратился за помощью не к своим аутостимулирующим ритуалам, а к людям. Вместо того, чтобы уйти в себя, он потянулся к другим. Вместо того, чтобы погрузиться в пассивное безразличие,—открыто выражал разнообразные и сильные эмоции: растерянность, тоску, нетерпение, гнев. Он искал помощи у окружающих, ждал от них сочувствия и человеческого тепла. И само то, что Рон скучал и не находил себе места в отсутствие родителей,

и накал его чувств, и способы их выражения—все резко противоречило общепринятым представлениям об аутизме. Возможно ли, что Рон Кауфман исцелился?

Когда Рону исполнилось два года, родители решили провести еще одно полное психологическое обследование. Они с сыном отправились в ту же клинику, где уже побывали четыре месяца назад. Тогда им сообщили, что в состоянии их ребенка «нет существенной динамики», что он резко отстает в интеллектуальном и психическом развитии, что его «речь» и поведение соответствуют интеллектуальному возрасту восьми месяцев и что прогноз в таких случаях, как правило, неблагоприятный. «Посмотрим,—думали Барри и Самария,—что-то скажут специалисты теперь!».

Врачи были буквально потрясены. Вместо «аутиста» они увидели перед собой живого, активного малыша с широкой улыбкой и сияющими глазами, радостно и заинтересованно откликающегося на любые внешние стимулы. Войдя в кабинет, он громко поздоровался с врачами, а затем начал с любопытством осматривать незнакомое помещение, при этом демонстрируя недавно освоенный им навык узнавания цветов: «Желтый диван! Красный стул! Черный стул!» Он охотно общался с незнакомыми людьми и с настоящим азартом выполнял самые сложные задания. Мимика его была живой, разнообразной и выразительной, движения—ловкими и умелыми. Еще до начала проверки специалисты изумленно переглядывались между собой, а медсестра даже воскликнула вслух: «Неужели это тот же мальчик? Поверить не могу! Такого просто не бывает! Это чудо!»

После трехчасовой проверки, включавшей в себя множество разнообразных заданий и тестов, специалисты объявили свой вердикт: по умственному и психическому развитию Рон не только соответствует своему возрасту, но и опережает его, приближаясь к трем годам. Выходит, за четыре месяца он прожил—в плане психического развития—больше двух лет!

Изумленные врачи поздравили родителей и, еле сдерживая нетерпеливое любопытство, начали расспрашивать, что же произошло. Что за чудо они сотворили с сыном? В ответ Барри и Самария Кауфманы рассказали о своей программе.

Собеседники слушали их с глубоким вниманием, а когда рассказ был окончен, заявили, что ни о чем подобном никогда даже не слышали. На государственном уровне таких программ не существует: более того, никто даже не двигается в эту сторону! В государственных образовательных учреждениях для детей с отклонениями в развитии педагоги ограничиваются тем, что жесткими бихевиористскими методами отучают детей от «неправильного поведения» и прививают им простейшие навыки самообслуживания. Однако при этом дети остаются пассивными, не способными к самостоятельной жизни и, в сущности, глубоко «неполноценными». Об исцелении аутизма или других отклонений в психическом развитии никто и не помышляет—все убеждены, что это невозможно!

— Если бы вы поделились с нами своим опытом—например, написали книгу или провели цикл семинаров...—предложил Кауфманам один из врачей.

До сих пор Барри и Самария не задумывались о такой

возможности. Но... почему бы и нет? Что, если они смогут помочь и другим аутичным детям и их родителям?

Забегая вперед, скажем, что так и случилось. Барри Кауфман написал несколько книг о своем опыте; вместе со своей женой он регулярно проводит курсы тренингов и семинаров по помощи аутичным детям как в США, так и в других странах. На сегодняшний день программой *Son-Rise* пользуются тысячи семей по всему миру—и, как правило, она приносит поистине чудесные результаты.

Прощаясь с Кауфманами, кто-то из врачей заметил:

— Вы можете радоваться: теперь ваш сын совершенно здоров, и вам нет нужды продолжать эти утомительные занятия. Пусть растет, как все дети.

На лица Барри и Самарии набежала тень. Неужели он так ничего и не понял?

Да, Рон выглядит и ведет себя как совершенно нормальный ребенок: однако всё, что он делает, дается ему с гораздо большим трудом, чем обычным детям. Поврежденные или распавшиеся связи в его мозге не исцелились; он просто научился компенсировать свой недуг. Однако его благополучие очень хрупко. Ангина, грипп, травма, стресс, неожиданная смена обстановки, какие-либо сильные и неприятные впечатления—всего этого может оказаться достаточно, чтобы остановить его движение вперед, заставить его вернуться к привычным и безопасным аутистическим стереотипам поведения. И любая такая «остановка» может стать для него роковой.

Вот почему отношение типа: «Он выздоровел, он избавился от аутизма, и теперь мы можем относиться к

нему, как к обычному ребенку» — было для Кауфманов неприемлемо. Да, Рон стал обычным ребенком: он свободно разговаривает, легко и непринужденно общается с окружающими людьми, его интеллект опережает возраст, он спокойно выполняет самые сложные задания. Но это не значит, что можно махнуть на него рукой — и пусть, мол, дальше растет, как знает. Необходимо продолжать занятия — следует лишь расширять их, модифицировать, бесконечно разнообразить, постепенно сделать их естественной частью его жизни. Необходимо внимательно следить за его состоянием, оберегать его от слишком сильных или неприятных переживаний, к которым он пока не готов, — но в то же время исподволь готовить его к жизни, в которой ему, как и всякому человеку, встретится немало трудного и неприятного.

Первый и самый трудный этап пути пройден. Но восхождение к вершинам только начинается.

Принципы программы *Son-Rise*

- Присоединение взрослого к стереотипному поведению ребенка дает ключ к пониманию такого поведения. Это облегчает установление глазного контакта, развивает взаимодействие и дает возможность включиться в игру ребенка.
- В основе обучения и освоения навыков лежит опора на собственную мотивацию ребенка.
- Обучение через игру приводит к эффективному и осмысленному взаимодействию и коммуникации.
- Энтузиазм и заинтересованность взрослого вовлекают ребенка в общение и пробуждают у него устойчивый интерес к взаимодействию и обучению.
- Безоценочное и оптимистическое отношение взрослого дают ребенку ощущение радости, усиливают его внимание и мотивацию в течение всей программы.
- Умение родителей посмотреть на ситуацию глазами ребенка—наиболее важное и безотказное средство, способное поддерживать обучение и вдохновлять ребенка.
- Создание безопасного пространства для работы и игры, в котором ничто не отвлекает внимание ребенка, поддерживает атмосферу, наиболее благоприятную для обучения и развития.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
НАЧАЛО ПУТИ	8
ПЕРВЫЕ ШАГИ	20
УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТАКТА	31
РОН ПРОДВИГАЕТСЯ ВПЕРЕД	43
РОН ДЕЛАЕТ ВЫБОР	51
ОВЛАДЕНИЕ РЕЧЬЮ	62
РОН ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ	74
ЧУДО ПРОДОЛЖАЕТСЯ	82
Принципы программы <i>Son-Rise</i>	94

ПОБЕДИТЬ АУТИЗМ

Составление и перевод с английского
Наталья Леонидовна Холмогорова

Редактор *М.С. Дименштейн*
Дизайн и верстка *Е.С. Пащенко*
Корректор *Ю.Г. Яникова*

Подписано к печати 20.05.2005.
Формат 70x100/32
Гарнитура SchoolBookC. Тираж 500.

РБОУ Центр лечебной педагогики
119311, Москва, ул. Строителей, 17Б
Тел./факс: (095) 133 84 47
Электронная почта: ssrmain@online.ru

